

rocket**book**

НАСТОЯЩИЙ британский детектив

Pocket book (Эксмо)

Артур Конан Дойл

Настоящий британский детектив

«ЭКСМО»

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Дойл А.

Настоящий британский детектив / А. Дойл — «Эксмо»,
— (Pocket book (Эксмо))

ISBN 978-5-04-156349-3

Изоощренный ум и безупречная логика непревзойденных мастеров расследований и сыска – в захватывающих детективных историях заслуженных корифеев жанра – Артура Конан Дойла, Гилберта Кийт Честертона и Чарльза Диккенса. Занимательные истории с увлекательным сюжетом, неподражаемым английским юмором и элементами притчи – настоящее удовольствие для любителей детектива.

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-156349-3

© Дойл А.

© Эксмо

Содержание

Чарльз Диккенс	5
Пойман с поличным	5
Артур Конан Дойл	20
Этюд в багровых тонах	20
Часть I	20
Глава 1	20
Глава 2	24
Глава 3	31
Глава 4	37
Глава 5	41
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Чарльз Диккенс 1812–1870

Пойман с поличным

I

Почти всем нам доводилось наблюдать романтические истории, происходившие в действительности. В качестве директора Конторы страхования жизни мне за последние тридцать лет пришлось, вероятно, чаще других людей наблюдать романтические истории, хотя на первый взгляд моя профессия, казалось бы, и не благоприятствует этому.

Теперь я удалился от дел, живу на покое и поэтому располагаю возможностью, которой был раньше лишен, обдумывать на досуге свои наблюдения. Должен заметить, что мое прошлое теперь кажется мне более интересным, чем в те времена, когда оно было для меня настоящим. Ведь я, можно сказать, вернулся домой после спектакля и теперь, когда занавес опустился, могу спокойно вспоминать все эпизоды драмы, – мне не мешают яркий свет, толкотня и суэта театра.

Позвольте мне рассказать одну такую романтическую историю из действительной жизни.

Ничто так правильно не отражает души человека, как его лицо в сочетании с манерой держать себя. Чтение той книги, где на каждой странице, волею предвечной мудрости, запечатлены неповторимые черты характера того или иного мужчины или женщины, – трудное искусство, и его не очень усердно изучают. Пожалуй, оно требует некоторых врожденных способностей и, несомненно, требует (как и все на свете) кое-какого терпения и прилежания. Но можно утверждать с почти полной уверенностью, что мало кто изучает его терпеливо и прилежно: большинство полагает, будто все великое разнообразие человеческих характеров отражается в нескольких самых обычных выражениях лица, и не только не замечает, но и не ищет тех трудноуловимых отличительных черт, которые важнее всего, так что если вы, например, с большой затратой времени и внимания учитеесь чтению нот или греческих, латинских, французских, итальянских, древнееврейских книг, то вы даже не пытаетесь что-нибудь прочесть на лице учителя или учительницы, которые обучают вас этому, заглядывая через ваше плечо в тетрадь или книгу. Быть может, это объясняется известной самоуверенностью: вы считаете, что вам ни к чему изучать выражения человеческих лиц, ибо вы их достаточно хорошо знаете от природы, а следовательно, не ошибетесь.

Я, со своей стороны, признаюсь, что ошибался бесчисленное множество раз. Я ошибался в знакомых и (само собой разумеется) ошибался в друзьях, гораздо чаще в друзьях, чем в других людях. Как же получилось, что я мог так обманываться? Разве я совсем неправильно читал в их лицах?

Нет. Верьте мне, мое первое впечатление от этих людей, внушенное мне их лицами и манерой держать себя, неизменно оказывалось правильным. Ошибка моя была в том, что я позволял этим людям сблизиться со мной и самим говорить о себе.

II

Перегородка, отделявшая мой личный кабинет от нашей конторы в Сити, была из толстого зеркального стекла. Через нее я мог видеть все, что происходило в конторе, но не слышал

ни единого слова. Этой перегородкой я распорядился заменить стену, стоявшую здесь много лет – с тех пор, как построили дом. Не важно, потому ли я сделал эту замену, что хотел получить первое впечатление о пришедших к нам по делу незнакомцах, только глядя на их лица, но отнюдь не позволяя этим людям влиять на меня своими речами, или еще почему-нибудь; достаточно сказать, что я пользовался стеклянной перегородкой для этой именно цели и что любая контора страхования жизни всегда находится под угрозой мошенничества со стороны самых ловких и жестоких негодяев.

Через эту-то стеклянную перегородку я впервые и увидел человека, историю которого хочу рассказать.

Я не видел, как он вошел, видел только, что, положив на широкий прилавок шляпу и зонт, он перегнулся через этот прилавок, чтобы взять какие-то бумаги у клерка. Посетитель был человек лет сорока, черноволосый, весьма изысканно одетый, весь в черном – он был в трауре, – а его вежливо протянутую руку облежала черная лайковая перчатка. Волосы его, тщательно причесанные и напомаженные, были разделены прямым пробором, и незнакомец, наклонившись, обратил этот пробор к клерку с таким видом (казалось мне), словно хотел сказать: «Будьте добры, друг мой, принимайте меня за того, кем я хочу казаться. Следуйте прямо сюда, по песчаной дорожке; по траве не ходите – вторжений я не терплю».

Как только я увидел этого человека, я почувствовал к нему сильнейшую антипатию.

Он попросил несколько наших печатных бланков, и клерк, вручая ему бланки, стал давать объяснения. Признательная и любезная улыбка сияла на лице посетителя, а глаза его весело смотрели в глаза клерка. (Я слышал, сколько чепухи говорят о том, что скверные люди будто бы не могут прямо смотреть в лицо собеседнику. Не верьте этому предвзятому мнению. Нечестный человек всегда способен выдержать взгляд честного, если только этим можно что-нибудь выиграть.)

Я заметил, что он уголком глаза увидел, как я смотрю на него. Он сейчас же обратил свой пробор к стеклянной перегородке, как бы говоря мне с милой улыбкой: «Прямо сюда, будьте добры. Сойдите с травы!»

Немного погодя он надел шляпу, взял зонт и ушел.

Я вызвал клерка к себе в кабинет и спросил:

– Кто это приходил?

Клерк держал в руках визитную карточку посетителя.

– Мистер Юлиус Слинктон, проживающий в Мидл-Тэмпле.

– Он адвокат, мистер Адамс?

– Думаю, что нет, сэр.

– Мне показалось было, что он священник, но на карточке не написано «его преподобие», – сказал я.

– Судя по его наружности, сэр, – сказал мистер Адамс, – он готовится к посвящению в духовный сан.

Следует отметить, что посетитель носил изящный белый галстук и манишка у него была тоже очень изящная.

– Зачем он приходил, мистер Адамс?

– Только взять бланк для заявления, сэр, и бланк для поручительства.

– Ему кто-нибудь посоветовал обратиться к нам? Он сказал кто?

– Да, сэр, он объяснил, что пришел по совету одного из ваших друзей. Он видел вас, но сказал, что, не имея удовольствия быть с вами знакомым, не станет вас беспокоить.

– А он знает, как меня зовут?

– Да, сэр! Он сказал: «Я вижу, там сидит мистер Сэмсон!»

– Он, должно быть, выражается очень изысканно?

– Чрезвычайно изысканно, сэр.

– Манеры у него, должно быть, вкрадчивые?

– Совершенно верно, сэра, очень вкрадчивые.

– Так! – сказал я. – Мне пока больше ничего не нужно, мистер Адамс.

Спустя две недели я пришел на званый обед к одному своему другу, купцу, человеку со вкусом, собирателю картин и книг, и первый, кого я увидел среди гостей, был мистер Юлиус Слинктон. Он стоял перед камином, обратив к присутствующим свое честное, открытое лицо и глядя на них ласковыми большими глазами, но тем не менее (казалось мне) требуя, чтобы все подходило к нему по расчищенной и указанной им дорожке – никак не иначе.

Я услышал, как он попросил моего друга представить его мистеру Сэмсону, и мой друг познакомил нас. Мистер Слинктон был очень счастлив встретиться со мной. Не чрезмерно счастлив – он не перебарщивал; он был счастлив, как прекрасно воспитанный, вполне светский человек.

– Я думал, что вы уже знакомы, – заметил наш хозяин.

– Нет, – сказал мистер Слинктон. – Я, правда, заходил в контору мистера Сэмсона по вашему совету, но я просто не считал себя вправе беспокоить самого мистера Сэмсона по таким пустякам, с которыми мог справиться любой клерк.

Я заметил, что охотно оказал бы ему всяческое содействие, если бы знал, что его рекомендовал мой друг.

– Я в этом уверен, – отозвался он, – и очень вам признателен. В другой раз я, быть может, буду менее щепетильным. Но, конечно, только в том случае, если приду по более важному делу, – ведь я знаю, мистер Сэмсон, как драгоценно время делового человека и как много на свете навязчивых людей.

Я ответил на эти учтивые слова легким поклоном.

– Вы собирались застраховать свою жизнь? – спросил я.

– Нет, что вы! Я, к сожалению, вовсе не такой предусмотрительный человек, каким вы любезно считаете меня, мистер Сэмсон. Просто я наводил справки для одного своего приятеля. Но вы знаете, что такое приятели в подобных делах! Быть может, из всего этого ничего и не выйдет. Я очень не люблю беспокоить деловых людей справками для моих приятелей: ведь тысяча шансов против одного, что приятели так и не воспользуются этими справками. Люди так непостоянны, себялюбивы, беспечны! Не правда ли, мистер Сэмсон, вы каждый день убеждаетесь в этом по ходу своей работы?

Я хотел было ответить обстоятельно, но он обратил ко мне свой ровный белый пробор, как бы говоря: «Прямо сюда, прошу вас!» – и я ответил:

– Да.

– Я слышал, мистер Сэмсон, – заговорил он снова (потому что обед, против обыкновения, запаздывал, – повар у нашего хозяина был новый), – будто недавно вы и ваши собраты понесли большую потерю.

– В денежном отношении? – спросил я.

Посмеиваясь над тем, что при слове «потеря» я так быстро вспомнил о деньгах, он сказал:

– Нет, в отношении таланта и энергии.

Не сразу поняв его намек, я призадумался.

– Разве мы действительно понесли такую потерю? – спросил я. – А я и не знал об этом.

– Выскажусь яснее, мистер Сэмсон. Я не предполагал, что вы ушли на покой. Дело еще не так плохо. Но мистер Мелтем...

– А, так это вы про него! – сказал я. – Да! Мистер Мелтем – молодой секретарь страховой конторы «Неоценимые преимущества».

– Вот именно, – подтвердил он с сочувственным видом.

– Это действительно большая потеря. Он был самым дальновидным, самым своеобразным и самым энергичным из всех знакомых мне людей, работающих по страхованию жизни.

Я говорил горячо, так как очень уважал Мелтема и восхищался им, а мой собеседник возбудил во мне смутные подозрения в том, что он подсмеивается над этим молодым человеком. Мистер Слинктон призвал меня к порядку, обратив ко мне аккуратную дорожку на своей голове и как бы повторяя все те же проклятые слова: «Будьте добры, сойдите с травы, – вот дорожка».

– Вы знали его, мистер Слинктон?

– Только понаслышке. Быть его знакомым или другом – это такая честь, которой я доби-
вался бы, если бы он по-прежнему вращался в обществе; хотя мне, возможно, и не посчастли-
вилось бы добиться этой чести, потому что я несравненно менее видный человек. Ему было
немногим более тридцати лет, так, кажется?

– Около тридцати.

– Да... – вздохнул он все так же сочувственно. – Какие мы слабые существа! Расстроить
свое здоровье, мистер Сэмсон, и стать неспособным к труду в таком возрасте!.. А что слышно –
какие именно причины вызвали это несчастье?

«Гм! – мысленно произнес я, взглянув на него. – А я вот не хочу идти по дорожке, я
пойду по траве».

– Какую причину называли вам, мистер Слинктон? – спросил я напрямик.

– Скорей всего ложную. Вы знаете, что такое Молва, мистер Сэмсон. Я никогда не пере-
даю другим того, что слышал: это единственный способ остричь когти и обрить голову Молве.
Но когда не кто иной, как вы, спрашиваете меня, чем объясняют то, что Мелтем стал вести
жизнь отшельника, это другое дело. Отвечая вам, я не потворствую праздным сплетням. Мне
говорили, мистер Сэмсон, что мистер Мелтем бросил все свои дела и отказался от всех своих
видов на будущее потому, что сердце его было разбито. Неудачная любовь, как я слышал...
хотя это маловероятно, когда дело идет о столь достойном и привлекательном человеке.

– Привлекательность и достоинства бессильны против смерти, – сказал я.

– Ах, значит, та, кого он любил, умерла? Простите, пожалуйста. Об этом я не слышал.
Если так, все это действительно очень грустно. Бедный мистер Мелтем! Она умерла? Ах, боже
мой! Печально, печально!

Мне по-прежнему казалось, что сострадание его не совсем искренне, и я по-прежнему
угадывал за всеми его словами какую-то необъяснимую насмешку, но когда доложили, что
обед подан и нам, как и всем прочим гостям, пришлось прекратить разговор, мистер Слинктон
добавил:

– Мистер Сэмсон, вы удивлены, что я так растроган судьбой человека, с которым не был
знаком. Но и мне пришлось пережить нечто подобное. У меня тоже, и тоже недавно, умер
близкий человек. Я потерял одну из своих двух прелестных племянниц, которые всегда жили
в моем доме. Она умерла в юном возрасте – всего двадцати трех лет, – а пережившая ее сестра
тоже не отличается крепким здоровьем. Мир – это могила!

Он произнес это с глубоким чувством, и я начал раскаиваться в своей холодности. Я знал,
что это мой горький опыт породил во мне холодность и недоверие к людям – подобные чувства
вовсе не были свойственны мне от природы, – и я часто думал, как много потерял в жизни,
потеряв доверчивость, и как мало приобрел, приобретя осторожность. Такие мысли были мне
привычны, и беседа с мистером Слинктоном взволновала меня сильнее, чем могло бы взволно-
вать более важное дело. За обедом я прислушивался к нему и заметил, как охотно откликались
на его слова другие люди и как умело он выбирал темы, доступные и близкие его сотрапезни-
кам. Беседуя со мной перед обедом, он завел разговор на тему, которая явно была знакома мне
лучше всего и больше всего интересовала меня, и теперь, беседуя с другими, руководствовался
тем же правилом. Общество собралось разнообразное, но он, насколько я мог заметить, сумел
найти особый подход к любому из присутствующих. Он достаточно знал о занятиях каждого,

чтобы тому было приятно поговорить с ним, и в то же время так мало, что скромные его распросы казались естественными.

Он все говорил и говорил, но, в сущности, вовсе не навязчиво, казалось, что это мы сами заставляем его говорить, – а я сидел и сердился на себя. Я мысленно разобрал его лицо на составные части, словно это были часы, и принялся подробно изучать их. Я не мог сказать, что мне не нравятся черты его лица, каждая в отдельности; еще меньше я мог сказать это, когда соединил их все вместе. «В таком случае, разве не чудовищно, – спросил я себя, – что я мог заподозрить и даже возненавидеть человека только потому, что он причесывается на прямой пробор?»

(Замечу в скобках, что это не делало чести моему здравому смыслу. Наблюдая незнакомого человека и поймав себя на том, что какая-нибудь пустяковая черточка в нем кажется тебе отталкивающей, не следует закрывать на это глаза. Ведь она может послужить ключом к раскрытию всех его тайн. Несколько волосков могут указать, где спрятался лев. Очень маленьким ключиком можно отпереть очень большую дверь.)

Через некоторое время я снова разговорился с ним, и нам удалось найти общий язык. В гостиной я спросил хозяина дома, давно ли он знаком с мистером Слинктоном. Тот ответил, что всего несколько месяцев; они познакомились у одного здесь присутствующего известного художника, а художник близко сошелся с мистером Слинктоном, когда тот путешествовал с племянницами по Италии, надеясь, что там поправится их здоровье. Планы Слинктона на будущее разрушила смерть одной из племянниц, поэтому он теперь готовится снова поступить в университет, получить диплом и принять сан священника. Мне пришлось убедить себя, что этим и объясняется его интерес к бедному Мелтему и что было почти жестоко с моей стороны заподозрить его из-за такого пустяка.

III

Через день после этого я снова сидел за своей стеклянной перегородкой, как вдруг он снова вошел в контору. Едва я его увидел, еще не услышав его слов, как тотчас возненавидел пуще прежнего.

Это длилось всего мгновение, – не успел я взглянуть на него, как он приветливо помахал мне рукой в тугой черной перчатке и вошел в мой кабинет.

– Добрый день, мистер Сэмсон! Как видите, я воспользовался вашим любезным разрешением ненадолго оторвать вас от занятий. Я не сдержал своего обещания не беспокоить вас иначе как по важному делу, ибо дело у меня, если позволительно употребить это слово в данном случае, – дело у меня самое пустяковое.

Я спросил, чем могу быть ему полезным.

– Благодарю вас, ничем. Я просто зашел в контору узнать, не изменил ли себе мой медлительный приятель – не превратился ли он в практичного и благоразумного человека. Но, конечно, оказалось, что он ничего не сделал. Я собственноручно передал ему ваши бланки, и он уверял, что обязательно их заполнит, но, конечно, ничего не сделал. Люди вообще неохотно делают то, что нужно, но особенно неохотно они страхуют свою жизнь. Для них это все равно что написать завещание. До чего суеверны люди – они думают, что, написав завещание, непременно вскоре же умрут.

«Будьте добры, сюда, прямо сюда, мистер Сэмсон. Не вправо и не влево». Мне так и чудилось, будто он, улыбаясь, шепчет эти слова, а его невыносимый пробор торчал у меня прямо перед глазами.

– Некоторые люди действительно так думают, – согласился я, – но их, по-моему, не очень много.

– Ну, – проговорил он, пожав плечами и улыбнувшись, – хотел бы я, чтобы какой-нибудь добрый гений указал моему приятелю правильный путь. Я несколько опрометчиво пообещал его матери и сестре – они живут в Норфолке – последить за тем, чтобы он застраховал свою жизнь, да и сам он обещал им сделать это. Но он, должно быть, никогда не соберется.

Поболтав еще минуты две о том о сем, он ушел.

На следующее утро не успел я отпереть ящики своего письменного стола, как мистер Слинктон снова явился. Я заметил, что он подошел прямо к двери в моей перегородке, ни на мгновение не задержавшись в конторе.

– Вы можете уделить мне две минуты, дорогой мистер Сэмсон?

– Пожалуйста.

– Очень признателен, – сказал он, положив на стол шляпу и зонт, – я пришел рано, чтобы не прерывать ваших занятий. Дело в том, что меня застало врасплох заявление моего приятеля.

– А разве он написал заявление? – спросил я.

– Да-а, – ответил он, задумчиво глядя на меня; и вдруг его словно осенила неожиданная догадка, – или он только сказал мне, что написал? Быть может, это для него лишь новый способ увильнуть. Черт возьми, как это не пришло мне в голову!

Мистер Адамс в это время распечатывал утреннюю корреспонденцию в конторе.

– Как фамилия вашего приятеля, мистер Слинктон? – спросил я.

– Беквит.

Я выглянул в контору и попросил мистера Адамса проверить, получено ли заявление от Беквита, и если получено, принести его. Мистер Адамс, оказывается, уже положил это заявление на прилавок. Его легко разыскали в ворохе других бумаг, и клерк передал его мне. Альфред Беквит. Заявление о желании застраховать свою жизнь на две тысячи фунтов. Помечено вчерашним числом.

– Адрес – Мидл-Тэмпл, мистер Слинктон.

– Да. Мой приятель живет на одной лестнице со мной; дверь в дверь. Но я никак не ожидал, что он укажет на меня как на своего поручителя.

– Однако это очень естественно с его стороны.

– Совершенно верно, мистер Сэмсон, но я этого никак не ожидал. Та-ак! – Он вынул из кармана печатный бланк. – Как же мне ответить на все эти вопросы?

– Разумеется – по совести, – ответил я.

– Ну разумеется! – сказал он, с улыбкой подняв глаза. – Я хотел только сказать, что вопросов очень уж много! Но вы правы, что проявляете такую предусмотрительность. Вам необходимо быть предусмотрительным. Вы разрешите мне воспользоваться вашим пером и чернилами?

– Пожалуйста.

– И вашим столом?

– Пожалуйста.

Он уже высматривал на столе место между своей шляпой и зонтом, на которое можно было бы положить бланк. Затем он сел в мое кресло, перед моим бюваром и чернильницей, а я, став спиной к камину, увидел прямо перед собой длинную дорожку на его голове.

Прежде чем ответить на какой-либо вопрос, он прочитывал его вслух и обсуждал. Сколько лет он знаком с мистером Альфредом Беквитом? Это ему пришлось сосчитать по пальцам. Какой образ жизни ведет мистер Альфред Беквит? На это ответить нетрудно: он в высшей степени умеренный человек, но, пожалуй, слишком усердно занимается спортом. Все ответы были удовлетворительны. Написав последний, мистер Слинктон просмотрел их с самого начала и, наконец, подписался очень красивым почерком. Потом спросил, все ли он сделал, что требовалось. Я ответил, что мы, вероятно, не будем больше его беспокоить. Он может оставить бумаги здесь? Пожалуйста. Очень признателен. До свиданья.

В тот день ко мне до него приходил еще один посетитель, но не в контору, а на дом. Этот посетитель явился еще затемно, застал меня в кровати, и никто не узнал о его посещении, кроме моего преданного доверенного слуги.

Второй бланк (ибо мы всегда требовали два поручительства) был послан в Норфолк и своевременно пришел обратно по почте. В нем также все ответы были во всех отношениях удовлетворительны. Мы выполнили все формальности, заключили соглашение и получили страховой взнос за год.

IV

После этого я шесть-семь месяцев не видел мистера Слинктона. Однажды он зашел ко мне на квартиру, но меня не оказалось дома; в другой раз он пригласил меня отобедать с ним в Тэмпле, но я был занят. Приятель его застраховал свою жизнь в марте. В конце сентября или в начале октября я поехал в Скарборо подышать морским воздухом и там встретил мистера Слинктона на взморье. Вечер был жаркий. Мистер Слинктон подошел ко мне, держа шляпу в руке, и опять у меня перед глазами очутилась та же самая дорожка, по которой мне так не хотелось идти.

Он был не один, – с ним под руку шла молодая девушка.

Она была в трауре, и я взглянул на нее с большим интересом. Здоровье у нее, по-видимому, было слабое, а лицо необыкновенно бледное и печальное, но она была очень хороша собой. Мистер Слинктон представил мне ее как свою племянницу, мисс Найнер.

– Вы прогуливаетесь, мистер Сэмсон? Неужели вы умеете бездельничать?

– Да, я умею бездельничать, и я прогуливаюсь.

– Не погулять ли нам вместе?

– С удовольствием.

Мы направились в сторону Файли по прохладному морскому песку. Девушка шла между нами.

– Смотрите, следы колес, – сказал мистер Слинктон. – Ага, понимаю – это от передвижного кресла для больных! Маргарет, милая моя, это, конечно, твоя тень!

– Тень мисс Найнер? – повторил я, глядя на ее тень на песке.

– Не эта, – со смехом объяснил мистер Слинктон. – Маргарет, дорогая моя, расскажи мистеру Сэмсону.

– В сущности, рассказывать не о чем, – промолвила девушка, повернувшись ко мне, – просто, куда бы я ни пошла, я постоянно вижу, как за мной следует какой-то пожилой джентльмен, инвалид. Я рассказала об этом дяде, и он прозвал его моей тенью.

– Он постоянно живет в Скарборо? – спросил я.

– Нет, он поселился здесь на время.

– А вы постоянно живете в Скарборо?

– Нет, я тоже временно поселилась здесь. Дядя поместил меня в одну семью, надеясь, что здесь я поправлюсь.

– А ваша тень? – спросил я с улыбкой.

– Моя тень... – ответила она, тоже улыбаясь, – моя тень... так же, как и я... видимо, не очень крепкого здоровья: по временам я теряю свою тень, а иногда моя тень теряет меня. Должно быть, нам обоим частенько приходится сидеть дома. Вот уже несколько дней, как я не видела своей тени; а ведь бывает, что много дней подряд, куда бы я ни пошла, там, по какому-то странному совпадению, появляется и этот джентльмен. Я встречала его здесь даже в самых безлюдных глухих уголках.

– Это он? – спросил я, указывая рукой вперед.

Следы колес спустились к самой воде и, повернув, оставили на песке большую петлю. И вот мы увидели, что, дописывая и вытягивая эту петлю, по направлению к нам движется кресло на колесах, которое катит мужчина.

– Да, дядя, – сказала мисс Найнер, – это действительно моя тень.

Когда кресло приблизилось к нам, а мы к нему, я увидел в нем укутанного в пледы старика с поникшей на грудь головой. Кресло катил очень степенный, но очень сметливый на вид человек, седой и слегка прихрамывающий. Они уже миновали нас, как вдруг кресло остановилось и сидевший в нем старик махнул рукой и окликнул меня по имени. Я пошел обратно и минут на пять расстался с мистером Слинктоном и его племянницей.

Когда я вернулся, мистер Слинктон заговорил первый. Больше того – я еще не успел к ним подойти, а он уже сказал, возвысив голос:

– Хорошо, что вы не задержались дольше, мистер Сэмсон, а не то моя племянница умерла бы от любопытства, – так ей не терпится узнать, кто ее тень.

– Это один из бывших директоров Ост-Индской компании, – сказал я. – Он близкий друг нашего общего знакомого, в доме которого я имел удовольствие познакомиться с вами. Некий майор Бэнкс. Вы слышали о нем?

– Никогда.

– Очень богатый человек, мисс Найнер, но очень старый и очень хворый. Приятный, умный... весьма интересуется вами. Он как раз распространялся о том, что заметил, до чего вы и ваш дядя привязаны друг к другу.

Мистер Слинктон снова снял шляпу и провел рукой по прямой дорожке, казалось, он сам спокойно прошелся по ней следом за мной.

– Мистер Сэмсон, – сказал он, ласково взяв племянницу под руку, – мы всегда были глубоко привязаны друг к другу, – ведь у нас было очень мало близких родных. Теперь их стало еще меньше. Нас с тобой, Маргарет, связывают крепкими узами те, кого уже нет на свете!

– Милый дядя! – пролепетала девушка, отвернувшись, чтобы скрыть слезы.

– У нас есть общие воспоминания и горести такого рода, мистер Сэмсон, – проникновенно продолжал он, – что было бы поистине странно, если бы мы относились друг к другу холодно и равнодушно. Если вы припомните одну нашу с вами беседу, вы поймете, о чем я говорю. Успокойся, милая Маргарет! Не падай духом, не падай духом. Моя Маргарет! Я не в силах видеть, как ты убиваешься!

Бедная девушка была очень расстроена, но скоро овладела собой. Ее дядю тоже обуревали какие-то сильные чувства. Оказалось даже, что ему совершенно необходимо поддержать свои силы, и он пошел искупаться в море, оставив меня с девушкой на скалистом берегу и, очевидно, предполагая – но вы скажете, что ему простительно было позволить себе такую роскошь, – что племянница будет расхваливать его от всего сердца.

Так она и сделала, бедняжка! От всего своего доверчивого сердца она хвалила мне дядю за его заботы о ее покойной сестре и неутомимую преданность во время ее последней болезни. Сестра угасала очень медленно, и к концу у нее появились какие-то дикие и страшные фантазии, но он неизменно был терпелив с нею и ни разу не растерялся; всегда был мягок, внимателен и сдержан. Покойная сестра да и сама Маргарет считали его лучшим из людей, добрейшим из людей и вместе с тем человеком исключительной силы воли, что служило надежной опорой для этих слабых девушек, пока длилась их жалкая жизнь.

– Я покину его, мистер Сэмсон, и очень скоро, – говорила девушка, – я знаю, жизнь моя близится к концу, а когда меня не станет, он, надеюсь, женится и будет счастлив. Я уверена, что он так долго оставался холостым только ради меня и моей бедной, бедной сестры.

Кресло на колесах сделало еще одну большую петлю по сырому песку и теперь снова возвращалось к нам, постепенно выписывая вытянутую восьмерку длиной в полмили.

– Милая девушка, – сказал я вполголоса, оглянувшись кругом и взяв ее за руку, – нельзя терять ни минуты. Слышите вы тихий рокот моря?

Она взглянула на меня с величайшим изумлением и тревогой и сказала:

– Да.

– А вы знаете, какой голос бывает у моря, когда надвигается шторм?

– Да!

– Вы видите, каким спокойным и мирным оно лежит перед вами; но ведь вы знаете и то, как грозно и беспощадно может оно показать нам свою силу хотя бы сегодня ночью!

– Да!

– Но если бы вы никогда не видели и не слышали этого или не слыхали о жестокости моря, разве вы могли бы поверить, что оно без всякой жалости вдребезги разбивает все предметы, лежащие на его пути, и без сожаления разрушает все живое?

– Вы пугаете меня, сэр!

– Чтобы спасти вас, милая, чтобы спасти вас! Ради бога, соберите свои силы и соберитесь с духом! Будь вы здесь одна, во власти прилива, грозящего подняться на пятьдесят футов над вашей головой, опасность была бы меньше той, от которой вас нужно спасти теперь.

Восьмерка на песке была дописана, и к ней прибавилась короткая кривая, закончившаяся у скалы совсем близко от нас.

– Клянусь Небом и Судьей всего человечества, я ваш друг и друг вашей умершей сестры, поэтому убедительно прошу вас, мисс Найнер, не теряя ни минуты, пойти со мною к этому джентльмену в кресле!

Если бы кресло остановилось подальше, мне вряд ли удалось бы увести девушку; но оно стояло так близко, что не успела она опомниться, как я увел ее со скалы и мы подошли к нему. Я пробыл там с нею не более двух минут. Ровно через пять минут я почувствовал неизъяснимое удовлетворение, увидев с того места, где мы сидели и куда я вернулся, – что девушку поддерживает, или, вернее, почти несет, энергичный крепкий человек, помогая ей взобраться по крутым ступенькам, высеченным в скале. Я знал, что, когда этот человек с нею, она в безопасности, где бы она ни была.

Я сидел один на скале, дожидаясь возвращения мистера Слинктона. Сумерки уже сгущались и повсюду ложились темные тени, когда он появился из-за скалистого мыса: шляпа висела у него на пуговице, одной рукой он приглаживал мокрые волосы, а другой проводил в них карманной гребенкой все ту же дорожку.

– Моя племянница отошла куда-нибудь, мистер Сэмсон? – спросил он, оглядываясь по сторонам.

– После захода солнца мисс Найнер стало холодно, и она ушла домой.

Он как будто удивился – очевидно, она даже в мелочах привыкла не делать ни одного шага без его ведома.

– Это я уговорил мисс Найнер, – объяснил я.

– А! – промолвил он. – Ее легко уговорить... для ее же пользы. Благодарю вас, мистер Сэмсон, дома ей будет лучше. Сказать правду, место, где купаются, оказалось дальше, чем я думал.

– Здоровье у мисс Найнер очень слабое, – заметил я.

Он покачал головой и глубоко вздохнул.

– Очень, очень, очень! Помните, я уже говорил вам об этом. С тех пор она ничуть не окрепла. Я с тревогой вижу, как мрачная тень, так рано упавшая на ее сестру, сгущается теперь вокруг нее самой и становится все темней и темней. Милая Маргарет, бедная Маргарет! Но не будем терять надежды.

Кресло на колесах двигалось перед нами с быстротой, отнюдь не подобающей экипажу инвалида, и выписывало на песке какие-то загогулины. Отняв платок от глаз, мистер Слинктон заметил это и сказал:

- Сдается мне, ваш знакомый того и гляди опрокинется, мистер Сэмсон.
- Да, похоже на то, – согласился я.
- Его слуга, как видно, пьян.
- Слуги пожилых джентльменов иногда напиваются, – сказал я.
- Майор, должно быть, легок как перышко, мистер Сэмсон.
- Как перышко, – подтвердил я.

В это время кресло, к моему облегчению, скрылось в темноте. Некоторое время мы молча шагали рядом по песку. Но вот мистер Слинктон снова заговорил, и в его голосе все еще звучало волнение, вызванное нездоровьем его племянницы.

- Вы еще долго здесь проживете, мистер Сэмсон?
- Да нет. Я уезжаю сегодня в ночь.

– Так скоро? Впрочем, дела постоянно требуют вашего присутствия. Люди, подобные мистеру Сэмсону, так нужны другим, что им приходится отказывать себе в отдыхе и развлечениях.

- Может, и так, – сказал я. – Во всяком случае, я уезжаю.
- В Лондон?
- В Лондон.
- Я тоже буду там вскоре после вас.

Это я знал не хуже его. Но не сказал ему, что знаю. Не сказал и о том, какое оружие я взял с собой для самозащиты и теперь, шагая рядом с ним, сжимаю правой рукой у себя в кармане. Не сказал также, почему, когда стемнело, я старался идти подальше от воды.

Мы ушли с берега, а дальше нам было не по пути. Мы пожелали друг другу спокойной ночи и уже расстались, как вдруг он вернулся и сказал:

– Мистер Сэмсон, позвольте спросить вас кое о чем. Бедный Мелтем, о котором мы когда-то говорили... он еще жив?

– Когда я в последний раз слышал о нем, он был жив; но он такой болезненный человек, что долго не протянет и уж, во всяком случае, не сможет приняться за свои прежние занятия.

– Ах! Ах! – проговорил мистер Слинктон с глубоким чувством. – Грустно! Грустно! Мир – это могила!

И он пошел своей дорогой.

Не его вина, если мир на самом деле не могила; но я не сказал ему этого, так же как не рассказал обо всем том, что описал выше. Он пошел своей дорогой, а я своей, и притом очень поспешно. Это случилось, как я уже сказал, либо в конце сентября, либо в начале октября. В следующий, и последний, раз я увидел его в конце ноября.

V

Я твердо договорился с одним знакомым, что приду позавтракать у него в Тэмпле. Утро было холодное, дул резкий северо-восточный ветер, талый снег, перемешанный с грязью, лежал на улицах толстым слоем. Я не смог достать экипаж и вскоре промок до колен; но я все равно отправился бы в Тэмпл, даже если бы мне пришлось окунуться в эту слякоть по самую шею.

Человек, пригласивший меня, жил в Тэмпле, на верхнем этаже углового дома с видом на реку. На двери в его квартиру была надпись: «Мистер Беквит». На противоположной двери на той же площадке: «Мистер Юлиус Слинктон». Двери обеих квартир были отворены настежь, и все, что говорилось в одной, было слышно в другой.

Я еще ни разу не был здесь. Квартира производила гнетущее впечатление – мрачная, душная, тесная: мебель, некогда хорошая и еще не ветхая, вся выцвела и загрязнилась; в комнатах царил ужасающий беспорядок; все было пропитано сильным запахом опиума, спирта и табака; каминная решетка, щипцы, совок и кочерга были сплошь покрыты безобразными пятнами ржавчины, а на диване перед камином в той комнате, где был приготовлен завтрак, лежал хозяин дома, мистер Беквит, с виду – горчайший пьяница, уже очень далеко продвинувшийся на своем позорном пути к смерти.

– Слинктон еще не пришел, – сказал этот жалкий человек, с трудом поднявшись на ноги при виде меня. – Я позову его... Эй, Юлий Цезарь! Приходи, выпьем!

Хрипло выкрикивая эти слова, он, как безумный, стучал кочергой о щипцы, – должно быть, он всегда вызывал своего собутыльника таким способом.

Сквозь этот шум из квартиры напротив послышался голос мистера Слинктона, и вот он сам вошел в комнату. Он не ожидал, что будет иметь удовольствие встретиться со мной. Мне не раз приходилось видеть, как иных ловкачей припирают к стене, но я в жизни не видывал, чтобы человек так испугался, как испугался он, когда глаза его встретились с моими.

– Юлий Цезарь! – заорал Беквит и, пошатываясь, стал между нами. – Мистер Сэмсон, Юлий – мой закадычный друг. Юлий угощает меня спиртным утром, в полдень и вечером. Юлий – настоящий благодетель. Юлий вышвыривал чай и кофе в окошко, когда они у меня еще водились. Юлий выливает воду из всех кувшинов и наполняет их спиртными напитками. Юлий заводит меня, как игрушку, и толкает вперед... Вари жженку, Юлий!

Ржавая, покрытая накипью кастрюля стояла на куче золы (очевидно, зола накапливалась здесь много недель), а Беквит вертелся, пошатываясь, между нами и, рискуя попасть головой в огонь, наконец вытащил кастрюлю и стал совать ее в руки Слинктону.

– Вари жженку, Юлий Цезарь! Ну же! Делай свое всегдашнее дело. Вари жженку!

Он так яростно размахивал кастрюлей, что я опасался, как бы он не раскроил ею голову Слинктону. Поэтому я протянул руку, чтобы остановить его. Шатаясь, он отошел к дивану, повалился на него, задыхаясь и дрожа в своем рваном халате, и налитыми кровью глазами уставился на нас обоих. Я заметил, что на столе не было никаких напитков, кроме коньяка, и никакой еды, кроме соленых селедок и горячего, сильно наперченного тушеного мяса с тошнотворным запахом.

– Во всяком случае, мистер Сэмсон, – проговорил Слинктон, в последний раз обратив ко мне свою гладкую дорожку, – благодарю вас за то, что вы ограждаете меня от ярости этого несчастного. Каким бы образом вы ни попали сюда, мистер Сэмсон, с какой бы целью вы ни пришли, но за эту услугу я, во всяком случае, вас благодарю.

– Вари жженку, – пробормотал Беквит.

Не сообщив мистеру Слинктону, каким образом я попал сюда, я спокойно спросил:

– Как поживает ваша племянница, мистер Слинктон?

Он посмотрел в упор на меня, а я – на него.

– К сожалению, мистер Сэмсон, моя племянница оказалась неблагодарной девушкой – неверной своему лучшему другу. Она покинула меня, не предупредив ни словом и без всяких объяснений. Очевидно, ее обманул какой-нибудь коварный негодяй. Вы, быть может, слышали об этом?

– Я действительно слышал, что ее обманул один коварный негодяй. И даже могу доказать это.

– Вы в этом уверены? – осведомился он.

– Вполне.

– Вари жженку! – пробормотал Беквит. – У нас гости к завтраку, Юлий Цезарь. Делай свое дело – подавай наш обычный завтрак, обед, чай и ужин. Вари жженку!

Слинктон перевел глаза с него на меня и, немного подумав, сказал:

– Мистер Сэмсон, вы человек, умудренный жизнью, и я тоже. Я буду говорить с вами начистоту.

– Э, нет, не будете, – сказал я, качнув головой.

– Повторяю, сэр, что буду говорить начистоту.

– А я повторяю, что не будете, – сказал я. – Я знаю о вас все. Да разве вы можете говорить с кем-нибудь начистоту? Бросьте, бросьте!

– Я скажу вам начистоту, мистер Сэмсон, – продолжал он почти спокойно, – что понимаю ваши намерения. Вы хотите спасти свои деньги и увильнуть от исполнения своих обязательств. Все это давно известные профессиональные уловки вашего брата – канцеляристов. Но вы не сделаете этого, сэр, вам это не удастся. Нелегко вам будет бороться с таким противником, как я. В свое время придется нам разузнать, когда и почему мистер Беквит начал вести свой теперешний образ жизни. Больше мне нечего сказать об этом несчастном и его пьяных бреднях. А засим, сэр, пожелаю вам всего хорошего и большей удачи в следующий раз.

Пока он говорил, Беквит налил полный стакан коньяку. И вдруг он выплеснул напиток Слинктому в лицо, потом швырнул в него стаканом. Слинктон, ослепленный, закрыл лицо руками, – стекло порезало ему лоб. На шум в комнату вошел четвертый человек. Он закрыл за собой дверь и стал спиной к ней; это был очень степенный, но очень сметливый на вид человек, седой и слегка прихрамывающий.

Слинктон выхватил носовой платок и приложил его к глазам, чтобы успокоить боль, потом вытер кровь со лба. Он долго возился с этим, и я увидел, как за это время с ним произошла огромная перемена, вызванная переменой в Беквите, – ведь тот перестал задыхаться и дрожать, сел прямо и уже не спускал с него глаз. Никогда в жизни не видел я, чтобы чье-нибудь лицо дышало таким отвращением и решимостью, как лицо Беквита в эту минуту.

– Посмотри на меня, негодяй, и узнай, кто я такой на самом деле! – сказал Беквит. – Я нанял эту квартиру, чтобы превратить ее в западню для тебя. Я поселился в ней, притворившись горьким пьяницей, чтобы стать для тебя приманкой в этой западне. Ты попался в западню и не выйдешь из нее живым. В то утро, когда ты в последний раз был в конторе мистера Сэмсона, я увиделся с ним раньше тебя. Все это время мы знали о твоих намерениях и все это время были в заговоре против тебя. Как же было дело? Сначала ты ко мне подольстился и уговорил меня отдать в твое распоряжение две тысячи фунтов, а потом принялся отравлять меня спиртом; но спирт действовал недостаточно быстро, и ты замыслил доконать меня более сильным средством. Ты думаешь, я не видел, как ты, решив, что я уже ничего не соображаю, наливал что-то из своей скляночки в мой стакан? Слушай, ты, убийца и мошенник: когда я сидел здесь вдвоем с тобой поздней ночью – а это случалось часто, – я двадцать раз был готов спустить курок своего пистолета и разmozжить тебе голову!

Это внезапное превращение жалкой твари, которую Слинктон считал своей отупевшей жертвой, в решительного человека, явно проникнутого твердым, беспощадным намерением поймать с поличным и прикончить своего врага, было для Слинктона ударом, вынести который ему в первую минуту оказалось не под силу. Он в буквальном смысле слова зашатался. Но ведь это большая ошибка – предполагать, что расчетливый преступник может на каком-либо этапе своего преступного пути изменить самому себе и сделать хоть малейший шаг, противоречащий его натуре. Такой человек совершает убийство, и закономерно, что убийство становится высшей точкой его пути; такой человек вынужден отрицать, что совершил убийство, и будет отрицать – отважно и нагло. Обычно удивляются тому, что любой известный преступник, имеющий на своей совести тяжкое злодеяние, способен вести себя столь дерзко. Но если бы его могла терзать совесть, если бы у него вообще была совесть, разве он совершил бы преступление?

Последовательный до конца, как и все подобные ему чудовища, Слинктон овладел собой и принял вызывающий вид, достаточно хладнокровный и спокойный. Он был бледен, он сразу

осунулся, он переменялся в лице, но не больше, чем шулер, поставивший на карту крупную сумму и проигравший игру, когда его перехитрили.

– Слушай меня, негодяй! – сказал Беквит. – И пусть каждое мое слово, услышанное тобой, словно кинжалом пронзит твое злое сердце. Когда я нанял эту квартиру, чтобы стать у тебя на пути и внушить тебе преступный замысел, почему я предвидел, что он придет в голову такому дьяволу, как ты, едва ты увидишь меня таким, каким я кажусь теперь, и познакомишься с моим образом жизни? Потому что ты не был загадкой для меня. Я тебя давно раскусил. И я знал, что ты и есть тот безжалостный негодяй, который ради денег убил одну невинную девушку, беспредельно доверявшую ему, и теперь постепенно убивает дружку.

Слинктон вынул табакерку, взял понюшку и рассмеялся.

– Но смотри, – продолжал Беквит, не сводя с него глаз, не повышая голоса, не изменяя напряженного выражения лица, не разжимая кулаков. – Смотри, каким тупым зверем ты все-таки оказался! Одурманенный пьяница, ни разу не выпивший и пятидесятой части тех спиртных напитков, которыми ты его поил, но выливавший их куда попало чуть ли не у тебя на глазах; пьяница, через три дня подкупивший человека, которого ты приставил сторожить и спаивать его; пьяница, с которым ты даже не соблюдал ни малейшей осторожности, но который так стремился избавиться от тебя, как от дикого зверя, нашу землю, что прикончил бы тебя, даже будь ты в сто раз осторожней; пьяница, которого ты обычно покидал, когда он валялся на полу в этой комнате, и который позволял тебе уходить из нее живым и не узнавшим правды, даже тогда, когда ты переворачивал его на другой бок пинком ноги, – этот пьяница почти всякий раз в ту же ночь, через час, через несколько минут пробирался к тебе и следил за тобой, если ты бодрствовал, шарил у тебя под подушкой, если ты спал, рылся в твоих бумагах, брал пробы из твоих склянок и пакетиков с порошками, менял их содержимое, узнавал все тайны твоей жизни!

Слинктон снова взял было щепотку табаку, но теперь медленно разжал пальцы и, когда табак просыпался на пол, стал растирать его ногой, не сводя с него глаз.

– Этому пьянице, – продолжал Беквит, – ты разрешил во всякое время входить в твою квартиру, чтобы он мог пить крепкие напитки, которые ты нарочно ставил у него на виду, чтобы он поскорее умер, а он, считавший, что с тобой, как с тигром, нельзя бороться в открытую, добыл отмычки ко всем твоим замкам, пробы всех твоих ядов, ключ к твоим зашифрованным записям. Он может рассказать тебе так же подробно, как и ты – ему, сколько времени ушло на отравление жертвы, какими дозами ей давали яды и как часто, какие наблюдались признаки постепенного разрушения ее души и тела, в чем выражалось расстройство ее ума, какие замечались перемены в ее наружности, какую физическую боль она испытывала. Он может сообщить тебе, как и ты ему, что все это ты записывал изо дня в день, ибо эти данные могли пригодиться тебе в будущем. Он может объяснить тебе даже более точно, чем ты – ему, где именно теперь хранится этот дневник.

Слинктон перестал растирать ногой табак и взглянул на Беквита.

– Нет, – проговорил тот, словно отвечая на вопрос Слинктона. – В ящике письменного стола с пружинным затвором дневника уже нет, и там его никогда не будет.

– Значит, ты вор! – сказал Слинктон.

Все с той же непоколебимой решимостью, которая внушала страх даже мне, ибо я знал, что преступнику уже не спастись, Беквит сказал:

– И, кроме того, я – тень твоей племянницы.

Слинктон с проклятием схватился за голову, вырвал клочок волос и бросил его на пол. То был конец гладкой дорожки – Слинктон уничтожил ее, и мы вскоре увидим, что больше она ему не понадобилась.

Беквит продолжал:

– Всякий раз, как ты уезжал отсюда, я уезжал тоже. Хотя я и понимал, что, желая избежать подозрений, ты не торопишься выполнять свой преступный замысел, все же я неотступно следил за тобой все то время, пока ты был вместе с этой бедной доверчивой девушкой. Когда я добыл дневник и смог прочитать его от начала до конца (это было ночью, накануне твоей последней поездки в Скарборо, – помнишь эту ночь? – ты спал с маленьким плоским пузырьком, привязанным к руке), я послал за мистером Сэмсоном, который до этого держался в тени. А вон там, у двери, доверенный слуга мистера Сэмсона. Мы втроем спасли твою племянницу.

Слинктон оглядел всех нас, нетвердыми шагами отошел в сторону, вернулся на прежнее место и как-то дико огляделся кругом – словно гад, ищущий нору, где бы спрятаться. И тут я заметил, что наружность этого человека странным образом изменилась: казалось, тело его сжежилось так, что одежда стала ему слишком широкой и вся обвисла.

– Теперь ты узнаешь, – сказал Беквит, – и эта истина, надеюсь, покажется тебе горькой и страшной, – почему тебя преследовал лишь один человек, хотя страховая контора мистера Сэмсона готова была тратить любые средства на погоню за тобой, – теперь ты узнаешь, почему тебя выследил и поймал с поличным именно этот человек и он один. Я слышал, что ты иногда говорил про Мелтема, правда?

Я заметил, что у Слинктона захватило дух.

– Когда ты задумал увезти за границу прелестную девушку – впоследствии убитую тобой, – чтобы там начать злое дело, которое свело ее в могилу, ты сначала послал ее в контору Мелтема (сам знаешь, при помощи каких хитроумных доводов ты уговорил ее), и Мелтему выпало счастье видеть эту девушку и говорить с нею. Ему не посчастливилось спасти ее, хотя я знаю, что ради ее спасения он охотно пожертвовал бы собой. Он восхищался ею... я сказал бы, что он глубоко любил ее, если бы считал тебя способным понять это слово. Когда она пала жертвой, он твердо уверился в твоей виновности. Потеряв ее, он сохранил только одну цель в жизни: отомстить за несчастную и уничтожить тебя.

Я заметил, как судорожно раздувались ноздри преступника, но губы его были крепко сжаты.

– Этот человек, Мелтем, – непреклонно продолжал Беквит, – был твердо убежден в том, что тебе не ускользнуть от него на этом свете, если он со всем упорством и решимостью будет добиваться твоей гибели и посвятит себя выполнению этой священной обязанности, пренебрегая всем остальным, ибо он не сомневался, что, стремясь достигнуть своей цели, будет лишь слабым орудием в руках провидения и исполнит его волю, вычеркнув тебя из списка живых. Этот человек – я, и я благодарю Бога за то, что выполнил свой долг!

Если бы Слинктон пробежал десять миль, спасаясь от быстроногих дикарей, он и то не мог бы так явно страдать от стеснения в сердце и дышать с таким трудом, как теперь, когда смотрел на преследователя, который так беспощадно затравил его.

– До сего времени ты не знал моего настоящего имени; теперь знаешь. Ты снова увидишь меня – телесными очами, – когда предстанешь перед судом. Ты снова увидишь меня, но уже духовными очами, когда на шее у тебя будет петля и толпа станет громко поносить тебя!

Как только Мелтем произнес последние слова, преступник внезапно отвернулся, и нам показалось, будто он ударил себя ладонью по губам. В то же мгновение по комнате распространился какой-то странный резкий запах, и почти в то же мгновение Слинктон кинулся куда-то в сторону, побежал, подпрыгнул, я не в силах описать эту судорогу, – и рухнул на пол, так что сотряслись тяжелые старинные двери и зазвенели стекла в оконных рамах.

То был заслуженный им конец.

Увидев, что он мертв, мы вышли из комнаты, и Мелтем, протянув мне руку, проговорил устало:

– Мне больше нечего делать на этом свете, друг мой. Но я снова увижу ее в иных пределах.

Тщетно старался я ободрить его. Он говорил, что мог бы спасти девушку, но не спас, и упрекает себя за это, он потерял ее, и сердце его разбито.

– Цель, вдохновлявшая меня, достигнута, Сэмсон, и теперь уже ничто не удерживает меня в жизни. Я не жилец на этом свете; я слаб и пал духом; у меня нет ни надежды, ни желаний, для меня все кончено.

И правда, я едва мог поверить, что сломленный человек, говоривший сейчас со мною, – это тот самый человек, который производил на меня столь сильное и совсем иное впечатление, когда он неуклонно стремился к своей цели. Я убеждал его, как только мог, но он все твердил и твердил, терпеливо и просто: ничто не может ему помочь... сердце его разбито.

Он умер на следующий год ранней весной. Его похоронили рядом с той несчастной девушкой, которую он оплакивал так нежно и горестно; все свое имущество он завещал ее сестре. Она не умерла и стала счастливой женой и матерью, выйдя замуж за сына моей сестры – преемника бедного Мелтема. Жива она и теперь, и, когда я прихожу к ним в гости, ее дети катаются по всему саду верхом на моей тросточке.

Артур Конан Дойл 1859–1930

Этюд в багровых тонах

Часть I

*Из воспоминаний доктора Джона Х. Уотсона, отставного
офицера медицинской службы*

Глава 1

Мистер Шерлок Холмс

В 1878 году я получил степень доктора медицины в Лондонском университете и отправился в Нетли на курсы подготовки военных врачей. По окончании занятий я был сразу же зачислен младшим врачом в Пятый Нортумберлендский стрелковый полк. В ту пору он размещался в Индии, но не успел я туда приехать, как разразилась вторая война с Афганистаном. Сойдя с корабля в Бомбее, я обнаружил, что мой полк уже перевалил через горную цепь и находится далеко на вражеской территории. Вместе с другими офицерами, попавшими в такое же положение, я пустился вслед за своим полком, благополучно нагнал его в Кандагаре и немедленно приступил к выполнению своих новых обязанностей.

Многим эта кампания принесла награды и почести, однако мне достались лишь невзгоды и разочарования. Меня перебросили из Нортумберлендского полка в Беркширский, с которым я участвовал в роковой битве при Майванде. Там меня ранило в плечо пулей из кремневого мушкета – она раздробила мне кость и слегка задела подключичную артерию. Я наверняка угодил бы в лапы беспощадных газі¹, если бы не верность и мужество моего ординарца Марри, который взвалил меня на вычужную лошадь и сумел доставить живым в расположение британских войск.

Измученный болями и ослабевший от перенесенных испытаний, я вместе с целой толпой других раненых страдальцев был отправлен на поезде в Пешавар, где находился наш базовый госпиталь. Там мне полегчало; я уже стал потихоньку бродить по коридорам и даже выбираться на веранду, чтобы погреться на солнышке, но тут меня свалил брюшной тиф, этот бич наших индийских владений. Несколько месяцев я был почти безнадежен, а когда наконец пришел в себя и начал понемногу выздоравливать, моя слабость и истощенность заставили медкомиссию принять решение о моей скорейшей отправке обратно к родным берегам. Меня взяли на борт транспортного судна «Оронт», и спустя месяц я высадился в Плимутской гавани с непоправимо подорванным здоровьем и разрешением отечески заботливого правительства провести ближайшие девять месяцев в попытках его восстановить.

У меня не было в Англии ни родных, ни близких, так что я был свободен как ветер – точнее, как человек, которому положено сводить концы с концами на одиннадцать с половиной шиллингов в день. Естественно, меня потянуло в Лондон, эту огромную выгребную яму, куда неизбежно стекаются лентяи и бездельники со всей империи. Там я снял номер в маленькой

¹ Газы – участники газавата, войны мусульман с неверными. (Здесь и далее – прим. перев.)

гостинице на Стренде и некоторое время влачил тягостное и бессмысленное существование, тратя свои жалкие средства гораздо менее осторожно, чем следовало бы. Вскоре состояние моих финансов сделалось настолько угрожающим, что я понял: надо либо уезжать из столицы и прозябать где-нибудь в провинции, либо круто менять образ жизни. Выбрав последнее, я решил для начала оставить гостиницу и подыскать себе какое-нибудь другое, не столь претенциозное и разорительное обиталище.

В тот самый день, когда было принято это решение, я стоял в баре «Критерий» и вдруг почувствовал на своем плече чью-то руку. Обернувшись, я узнал молодого Стамфорда, который когда-то работал со мной фельдшером в больнице Св. Варфоломея. Увидеть дружеское лицо в бескрайних дебрях Лондона – настоящий подарок судьбы для одинокого человека. Мы со Стамфордом никогда не были закадычными приятелями, но теперь я приветствовал его весьма пылко, да и он, кажется, обрадовался нашей встрече. На радостях я пригласил его отобедать со мной в «Холборне», и мы сразу поехали туда в наемном кабриолете.

– Что вы с собой сделали, Уотсон? – спросил он с неприкрытым удивлением, когда мы катили по людным столичным улицам. – Вы худой как щепка и желтый как лимон!

Я вкратце описал ему свои злоключения, едва успев уложиться до приезда в ресторан.

– Бедняга! – с сочувствием воскликнул он, выслушав мой рассказ. – И чем же вы заняты теперь?

– Ищу жилье, – отвечал я. – Пытаюсь выяснить, можно ли снять приличную квартиру за умеренную плату.

– Вот странно, – заметил мой спутник, – сегодня вы уже второй, от кого я слышу в точности эти самые слова.

– А кто был первым? – спросил я.

– Один мой знакомый, который работает в химической лаборатории при больнице. Нынче утром он сетовал на то, что не может найти себе партнера, – говорил, что отыскал симпатичную квартирку, но она, как назло, ему не по карману.

– Отлично! – воскликнул я. – Если он и правда хочет разделить с кем-нибудь жилье и расходы, я как раз тот, кто ему нужен. По мне, жить в компании намного веселее, чем одному.

Пригубивая вино, молодой Стамфорд бросил на меня странный взгляд.

– Вы еще не знаете Шерлока Холмса, – сказал он. – А то, может, и не захотели бы жить с ним вместе.

– Чем же он плох?

– Я не говорю, что он плох. Просто чужак – энтузиаст некоторых областей науки. А вообще-то, насколько мне известно, человек он порядочный.

– Учится на врача? – предположил я.

– Да нет... я понятия не имею, какие у него планы. По-моему, он хорошо знает анатомию, а химию еще лучше, но, если не ошибаюсь, он не оканчивал никаких медицинских курсов. Изучал то одно, то другое по какой-то загадочной, одному ему ведомой системе и в результате накопил уйму самых неожиданных знаний, которые наверняка порядком удивили бы его профессоров.

– И вы никогда не спрашивали, зачем ему все это нужно? – любопытно спросил я.

– Нет. Из Холмса нелегко что-нибудь вытянуть, хотя, если на него найдет такой стих, он может быть довольно общительным.

– Рад буду с ним познакомиться, – сказал я. – Если уж надо с кем-то делить квартиру, я предпочел бы человека тихого, увлеченного наукой. Я еще чересчур слаб для того, чтобы выносить шум и суету. В Афганистане у меня было этого столько, что хватит на весь оставшийся век. Когда вы могли бы свести меня с вашим приятелем?

– Скорее всего, он сейчас в лаборатории, – отозвался мой собеседник. – Он либо не появляется там целыми неделями, либо трудится с утра до вечера. Если хотите, заглянем туда вместе после обеда.

– Договорились, – ответил я, и наш разговор перешел в другое русло.

Покинув «Холборн», мы поехали в больницу, причем по дороге Стамфорд сообщил мне еще кое-какие подробности о человеке, с которым я собирался жить бок о бок.

– Имейте в виду, если вы с ним не уживетесь, я не виноват, – сказал он. – Я знаю его только потому, что иногда сталкиваюсь с ним в лаборатории. Вы сами запросились на эту встречу, так что в случае чего пеняйте на себя.

– Если мы не поладим, разойтись будет несложно. Однако мне сдается, – добавил я, в упор глядя на своего спутника, – что вы почему-то хотите умыть руки. Неужели у этого малого такой отвратительный характер или что там еще? Признавайтесь сразу, не надо ходить вокруг да около.

– Трудно выразить невыразимое, – ответил он со смехом. – На мой вкус, Холмс слишком уж одержим жадной познания – настолько, что это граничит с бездушием. Вполне могу представить себе, что он угостит друга щепоткой недавно открытого растительного алкалоида – не со зла, понимаете, а просто из научного любопытства, чтобы лучше понять, как он действует. Правда, надо отдать ему должное, он и сам примет его с той же готовностью. У него прямо-таки страсть к строгим, непроверяемым фактам.

– Что ж, это похвально.

– Пожалуй, но всему есть пределы. Согласитесь, когда человек избивает тростью покойников в прозекторской, его любознательность принимает несколько странную форму.

– Он избивает покойников?

– Да, чтобы проверить, появятся ли у них синяки. Я наблюдал это собственными глазами.

– И вы говорите, что он не собирается стать врачом?

– Нет. Одному богу известно, какие у него цели. Но вот мы и на месте – теперь смотрите и судите сами.

В этот момент мы свернули на узкую аллею, а потом вошли через боковую дверь в крыло огромной больницы. Все здесь было так хорошо мне знакомо, что я вполне мог бы найти дорогу и сам; мы поднялись по унылой каменной лестнице и зашагали по длинному коридору с белеными стенами мимо серо-коричневых дверей. Низкая арка почти в самом конце коридора вела в химическую лабораторию.

Это было помещение с высоким потолком и стеллажами, забитыми бесчисленными банками и склянками. Там и сям стояли низкие широкие столы, ошетилившиеся ретортами, пробирками и бунзеновскими горелками с мерцающими голубоватыми язычками. В комнате находился только один человек – он склонился над дальним столом, поглощенный своим делом. Услышав наши шаги, он обернулся и с радостным восклицанием вскочил на ноги.

– Я нашел его! Нашел! – крикнул он моему спутнику и кинулся к нам с пробиркой в руке. – Вот реактив, который осаждается только гемоглобином и больше ничем! – Если бы он нашел золотую жилу, его лицо не могло бы ярче светиться счастьем.

– Доктор Уотсон, мистер Шерлок Холмс, – представил нас Стамфорд.

– Здравствуйте! – сердечно сказал мой новый знакомый, пожимая мне руку с силой, которой я никак не мог в нем заподозрить. – Я вижу, вы побывали в Афганистане.

– Откуда вы знаете? – изумился я.

– Это пустяки, – усмехнувшись, сказал он. – Сейчас главное – гемоглобин. Вы, без сомнения, понимаете важность моего открытия?

– С точки зрения химика это, наверное, интересно, – ответил я. – Но практически...

– Боже ты мой, да для судебной медицины это самое важное открытие за последние несколько лет! Разве вы не видите, что оно дает нам абсолютно надежный тест на кровяные

пятна? Подите-ка сюда! – Он нетерпеливо схватил меня за рукав и увлек к столу, за которым работал. – Возьмем немного свежей крови, – с этими словами он уколол себе палец длинной иглой и собрал пипеткой выступившую каплю. – Теперь я растворяю это ничтожное количество крови в целом литре воды. Мы видим, что полученный раствор выглядит как чистая вода, не так ли? Содержание крови здесь не больше одной миллионной. И тем не менее я уверен, что мы сможем наблюдать характерную реакцию.

Он бросил в сосуд несколько белых кристалликов, а затем добавил туда каплю-другую какой-то прозрачной жидкости. В тот же миг вода в стеклянной банке приобрела мутно-красный цвет, а на ее дне стал собираться коричневатый осадок.

– Ха-ха! – воскликнул он, хлопая в ладоши, точно восторженный ребенок при виде новой игрушки. – Как вам это нравится?

– Похоже, реактив очень чувствительный, – заметил я.

– Прекрасный! Прекрасный! Старый тест с гваяковой смолой очень неудобен и ненадежен. То же самое можно сказать о проверке на наличие кровяных телец с помощью микроскопа. Последняя вообще бессмысленна, если пятна появились хотя бы несколько часов назад. А этот анализ, по-видимому, годится для любой крови, когда бы она ни была пролита. Если бы его придумали раньше, сотни людей, которые сейчас спокойно гуляют по белу свету, уже расплатились бы за свои преступления.

– Неужели? – пробормотал я.

– Уголовные расследования то и дело упираются в эту проблему. К примеру, человек попадает под подозрение через несколько месяцев после того, как было совершено преступление. Проверяют его белье или одежду и находят на них бурые пятна. Что это – кровь, грязь, ржавчина, фруктовый сок или еще что-нибудь? Этот вопрос ставил в тупик многих экспертов, а почему? Да потому, что у них не было надежного теста. Зато теперь у нас есть тест Шерлока Холмса, и все трудности позади!

Глаза его буквально сверкали; он положил руку на грудь и поклонился, словно отвечая на аплодисменты невидимой толпы.

– Вас можно поздравить, – промолвил я, немало удивленный его энтузиазмом.

– В прошлом году во Франкфурте был арестован фон Бишофф. Его бы наверняка повесили, если бы следствие имело возможность прибегнуть к моему тесту. А Мейсон из Бредфорда, а пресловутый Мюллер, а Лефевр из Монпелье, а Сэмсон из Нового Орлеана? Я помню десятки случаев, в которых это могло бы сыграть решающую роль.

– Да вы прямо ходячий справочник по преступлениям, – со смехом заметил Стамфорд. – Я бы на вашем месте попробовал издавать газету. Назовите ее «Полицейские вести прошлого».

– И это было бы очень увлекательное чтение, – откликнулся Шерлок Холмс, заклеивая след от укола на пальце маленьким кусочком пластыря. – Мне приходится соблюдать осторожность, – продолжал он с улыбкой, повернувшись ко мне. – Я ведь частенько вожусь с разными ядами. – Он вытянул руку, и я увидел, что вся она залеплена такими же кусочками пластыря и испещрена белесыми пятнышками от попавших на кожу сильных кислот.

– Мы пришли по делу, – заявил Стамфорд, усаживаясь на высокий трехногий табурет и ногой подталкивая ко мне второй. – Моему другу нужна крыша над головой, а поскольку вы жаловались, что не можете найти себе компаньона, я подумал, что неплохо было бы вас познакомить.

Похоже, Шерлоку Холмсу понравилась перспектива разделить со мной жилище.

– Я присмотрел одну квартиру на Бейкер-стрит, – сказал он. – Лучше и желать нельзя. Надеюсь, вы не против запаха крепкого табака?

– Я сам курю «Корабельный», – ответил я.

– Замечательно. Обычно я держу дома химические реактивы и время от времени ставлю опыты. Это не будет вам мешать?

– Ни в коей мере.

– Дайте-ка сообразить, какие у меня еще недостатки? Иногда на меня нападает хандра, и я по целым дням не раскрываю рта. Не надо думать, что я на вас обижен. Просто не трогайте меня, и я скоро вернусь в нормальное состояние. Ну а вам есть в чем признаться? Сейчас, пока мы еще не поселились вместе, не мешало бы узнать друг о друге самое худшее.

Меня рассмешила эта взаимная исповедь.

– Я держу щенка бульдога, – сказал я, – и возражаю против шума, потому что у меня расшатаны нервы, и люблю иногда подольше поваляться в постели, и вообще я редкий лентяй. Когда со здоровьем у меня станет получше, появится еще ряд недостатков, но пока эти самые главные.

– А игру на скрипке вы тоже считаете шумом? – с тревогой спросил он.

– Все зависит от того, как играть, – ответил я. – Хорошая скрипичная музыка – это дар богов. Ну а плохая...

– Тогда все в порядке, – сказал он с довольным смехом. – Думаю, можно считать дело решенным – конечно, если квартира придется вам по вкусу.

– Когда на нее можно будет взглянуть?

– Зайдите за мной сюда завтра в полдень, мы отправимся туда и все уладим, – предложил он.

– Хорошо. Итак, ровно в полдень, – сказал я, пожимая ему руку.

Оставив Холмса наедине с его химикалиями, мы вдвоем пошли к моей гостинице.

– Кстати, – вдруг сказал я, остановившись и повернувшись к Стамфорду, – как он, черт возьми, угадал, что я приехал из Афганистана?

Мой спутник улыбнулся загадочной улыбкой.

– Это его маленький секрет, – сказал он. – Многие хотели бы узнать, как он все угадывает.

– Так значит, секрет? – воскликнул я, потирая руки. – Как любопытно! Я вам очень признателен за то, что вы нас свели. «Нам должно человека изучать»², верно?

– Ну-ну, изучайте, – сказал Стамфорд, махнув мне на прощание. – Только это будет непросто. Бьюсь об заклад, что он раскусит вас раньше, чем вы его. До свиданья!

– До свиданья, – ответил я и зашагал к себе в гостиницу, крайне заинтригованный своим новым знакомым.

Глава 2 Искусство дедукции

На следующий день мы встретились в условленный час и осмотрели квартиру в доме 221-б по Бейкер-стрит, о которой говорили накануне. В ней была пара удобных спален и светлая, просторная гостиная с двумя широкими окнами и приятной глазу обстановкой. Квартира выглядела столь соблазнительной во всех отношениях, а плата за нее, поделенная между нами, оказалась столь скромной, что мы тут же ударили по рукам и вступили во владение своим новым обиталищем. В тот же вечер я перевез из гостиницы свои пожитки, а на следующее утро ко мне присоединился и Шерлок Холмс с несколькими ящиками и чемоданами. День-другой мы были заняты тем, что разбирали багаж и подыскивали для каждого предмета самое подходящее место. Затем стали потихоньку обживать и привыкать к новому окружению.

Холмс был определенно не из тех, с кем трудно наладить совместное существование. Он вел спокойную, размеренную жизнь: ложился спать, как правило, не позднее десяти часов, а по утрам неизменно успевал позавтракать и уйти, пока я еще нежился в постели. Иногда он проводил дни в химической лаборатории, иногда в прозекторских, а порой совершал долгие

² Строка из «Опыта о человеке» Александра Поупа.

прогулки, которые, похоже, заводили его в самые бедные городские кварталы. Когда Холмса охватывал рабочий пыл, его энергия казалась неисчерпаемой, но время от времени наступала реакция и он с утра до вечера лежал на диване в гостиной, почти не давая себе труда обронить слово или пошевелить пальцем. В подобных случаях я подмечал у него в глазах такое мечтательное, отсутствующее выражение, что заподозрил бы его в пристрастии к какому-нибудь наркотику, если бы свойственные ему умеренность и чистоплотность не противоречили этой гипотезе со всей очевидностью.

Пробегала неделя за неделей, а мой интерес к личности Холмса и желание узнать, чем он живет, все росли да росли. Сам он, весь его облик были таковы, что мимо него не прошел бы равнодушно самый поверхностный наблюдатель. Ростом шесть футов с лишком, он был настолько худ, что казался значительно выше. Взгляд у него был острый, пронизывающий, если не считать тех периодов апатии, о которых я уже упоминал, а тонкий ястребиный нос придавал его лицу выражение решительности и настороженности. Подбородок, также выступающий вперед и резко очерченный, выдавал непреклонную волю. Его руки были вечно заляпаны чернилами и реактивами, но он умел обращаться с предметами необычайно бережно, что я не раз имел случай отметить, наблюдая, как он возится со своими хрупкими алхимическими приборами.

Наверное, читатель сочтет меня в высшей мере назойливым и бестактным, если я признаюсь, как сильно этот человек возбуждал мое любопытство и как часто я пытался пробиться сквозь барьер сдержанности, за которым он прятал все, что имело к нему непосредственное отношение. Однако прежде чем выносить приговор, вспомните, сколь бесцельной была тогда моя жизнь и как мало было у меня развлечений. Слабое здоровье позволяло мне выходить из дому лишь в самые погожие дни, а друзей, которые могли бы нарушить своим визитом однообразие моего существования, у меня не было. Стоит ли удивляться тому, что я так обрадовался тайне, окружавшей моего компаньона, и посвящал столько времени тщетным попыткам ее разгадать!

Он не изучал медицину – он сам сообщил об этом в ответ на прямой вопрос, подтвердив мнение, высказанное Стамфордом. Кроме того, он не выказывал склонности к систематическим занятиям ради получения ученой степени или достижения иных результатов, которые могли бы распахнуть перед ним двери в заманчивый мир науки. Однако его интерес к некоторым ее направлениям был несомненным и его познания в отдельных, весьма неожиданных сферах изумляли меня своей обширностью и глубиной. Очевидно, никто не стал бы работать с таким усердием и накапливать столь конкретную информацию, не имея он для этого вполне определенной цели. Всеядные читатели редко могут похвастаться подробной осведомленностью в какой бы то ни было области. Никто не станет обременять свою память мелкими деталями, если не имеет на это достаточно веских оснований.

Его невежество было не менее поразительным, чем его эрудиция. О современной литературе, философии и политике он, по-видимому, не знал почти ничего. Однажды в разговоре с ним я сослался на Томаса Карлейля, и Холмс пренаивнейшим образом спросил, кто он такой и чем отличился. Однако мое изумление достигло апогея, когда я случайно обнаружил, что он незнаком с теорией Коперника и не представляет себе, как устроена Солнечная система. Что цивилизованный человек в девятнадцатом веке может не знать о вращении Земли вокруг Солнца – в это я просто не мог поверить.

– Вы, кажется, удивлены, – сказал он, улыбаясь при виде моего ошеломленного лица. – Но теперь, когда вы поделились со мной этими ценными сведениями, я постараюсь как можно скорее их забыть.

– Забыть?

– Видите ли, – объяснил он, – человеческий мозг представляется мне изначально похожим на маленький пустой чердак, который можно оборудовать по своему желанию. Дурак ната-

щит туда всякого барахла, какое подвернется под руку, а в результате более ценные знания или вовсе окажутся вытеснены, или перемешаются с кучей других вещей – поди отыщи их потом. Искусный же ремесленник отбирает то, что хочет поместить в свой мозг, с большим тщанием. Ему нужны только инструменты, с помощью которых он выполняет свою работу, но их у него множество и все разложены по полочкам в безупречном порядке. Думать, что у этой маленькой комнатки резиновые стены и их можно растягивать до бесконечности, – серьезная ошибка. Рано или поздно наступит момент, когда в расплату за каждую порцию свежих знаний вам придется что-нибудь забывать. Поэтому чрезвычайно важно не загромождать свой чердак бесполезными фактами, вытесняя при этом полезные.

– Но не знать о Солнечной системе! – возразил я.

– Да на кой черт она мне сдалась? – нетерпеливо перебил он. – Вы говорите, что мы вертимся вокруг Солнца. Но если бы мы вертелись вокруг Луны, это ровным счетом ничего не изменило бы ни для меня, ни для моей работы.

Я хотел было спросить, что же у него за работа, но какая-то нотка в его голосе подсказала мне, что сейчас этот вопрос задавать не стоит. Однако позже, размышляя над нашим кратким разговором, я попытался сделать из него свои выводы. Холмс заявил, что он против бесполезных фактов. Следовательно, все знания, которыми он располагает, ему для чего-то нужны. Я мысленно перечислил разнообразные области, в которых он на моей памяти демонстрировал необычайную осведомленность или отсутствие таковой. Я даже взял карандаш и записал их. Завершив этот труд, я не смог сдержать улыбки. Мой список выглядел так:

ШЕРЛОК ХОЛМС – ОСОБЕННОСТИ КРУГОЗОРА

1.	Знания в области литературы —			нет.
2.	— » —	— » —	философии —	нет.
3.	— » —	— » —	астрономии —	нет.
4.	— » —	— » —	политики —	минимальные.
5.	— » —	— » —	ботаники —	отрывочные. Прекрасно знаком со свойствами белладонны, опиума и ядов вообще. Полный профан в садоводстве.
6.	— » —	— » —	геологии —	конкретные, но ограниченные. С первого взгляда отличает друг от друга различные типы почвы. После прогулок показывал мне брызги грязи на брюках и по их цвету и консистенции определял, из какой они части Лондона.
7.	— » —	— » —	химии —	основательные.
8.	— » —	— » —	анатомии —	точные, но бессистемные.
9.	— » —	— » —	криминальной литературы —	огромные. Знает, кажется, подробности всех громких преступлений нашего столетия.
10.	Хорошо играет на скрипке.			
11.	Профессионально фехтует и боксирует.			
12.	Неплохо разбирается в британских законах с практической точки зрения.			

Дойдя до этого пункта, я в отчаянии бросил листок в камин. «Да разве можно примирить все эти противоречия и понять, чего хочет человек, обладающий таким странным набором дарований! – подумал я. – Лучше и не пытаться».

Я уже упоминал, что Холмс хорошо владел скрипкой. Он действительно был великолепным музыкантом, однако и здесь ярко проявлялась его эксцентричность. В том, что он может исполнять классические пьесы, и притом весьма трудные, я убедился сам, поскольку по моей просьбе он не раз играл «Песни» Мендельсона и прочие любимые мною произведения. Однако, предоставленный самому себе, он редко извлекал из своего инструмента что-то похожее на обычную музыку или хотя бы просто на мелодию. Вечером, устроившись в кресле, он закрывал глаза и небрежно водил смычком по струнам, оперев скрипку на колено. Иногда при этом раздавались звучные, печальные аккорды. Порой их сменяли причудливые наигрыши, в которых сквозило отчаянное веселье. Очевидно, эта неординарная музыка была как-то связана с занимавшими его мыслями, но помогала ли она их течению или, наоборот, рождалась под влиянием капризов его воображения, я определить не умел. Наверное, я взбунтовался бы против этих режущих ухо концертов, если бы под конец он обычно не проигрывал подряд несколько моих любимых пьес, словно извиняясь за то, что так долго испытывал мое терпение.

В течение первой недели к нам никто не заглядывал, и я стал подумывать, что у моего компаньона не больше друзей, чем у меня. Но вскоре я убедился, что у него полным-полно знакомых, причем из самых разных слоев общества. Щуплый человечек с крысиной физиономией и темными глазками, побывавший у нас трижды или четырежды на протяжении одной недели, был представлен мне как мистер Лестрейд. Как-то утром пришла модно одетая девица и задержалась на полчаса или более. В тот же день, ближе к вечеру, явился потрепанный седовласый господин, похожий на уличного торговца-еврея, – кажется, он был очень взволнован, – а вслед за ним в нашу дверь постучалась неряшливая пожилая женщина. В другой раз с моим компаньоном имел беседу какой-то почтенный старик, а следующим визитером стал вокзальный носильщик в форменном вельветиновом костюме. Как только на нашем пороге появлялась очередная странная личность, Шерлок Холмс просил разрешения занять гостиную, и я уходил к себе в спальню. Он всегда извинялся передо мной за причиненное неудобство. «Что делать, я вынужден использовать эту комнату как свой кабинет, – как-то сказал он. – Эти люди – мои клиенты». И снова у меня была возможность задать прямой вопрос, и снова из соображений такта я решил промолчать. В ту пору мне казалось, что у него есть серьезные причины держать свои занятия в тайне, однако вскоре он развеял это заблуждение, заговорив на интересующую меня тему по собственному почину.

Это произошло в марте, четвертого числа, – дата, которую я запомнил надолго. Встав несколько раньше обычного, я обнаружил, что Шерлок Холмс еще не покончил с завтраком. Хозяйка нашей квартиры привыкла к тому, что я долго сплю, а потому не поставила мне прибор и не сварила кофе. Раздраженный без всякой причины, как это частенько бывает с людьми, я дернул веревочку звонка и лаконично сообщил, что голоден. Затем взял со столика журнал и принялся листать его, чтобы скоротать время. Мой компаньон молча жевал гренки. Заглавие одной статьи было отмечено карандашом, и я, естественно, начал ее просматривать.

Она называлась довольно претенциозно – «Книга жизни», – и ее автор рассказывал о том, как много может узнать наблюдательный человек, если будет подробно и систематически анализировать все, что попадает ему на глаза. Статья показалась мне причудливой смесью проницательных и нелепых суждений. Автор писал внятно и логично, однако его выводы, с моей точки зрения, были слишком уж натянутыми и преувеличенными. Он утверждал, что по мгновенному выражению лица, по одному сокращению мускула или мимолетному взгляду можно угадать сокровенные мысли человека. Если вы приучили себя наблюдать и сопоставлять, говорил он, то вас практически невозможно обмануть. Ваши заключения будут неопровержимыми, как теоремы Эвклида. И результаты вашего анализа покажутся непосвященному

столь поразительными, что если вы не объясните, каким образом их получили, он будет смотреть на вас как на чародея.

«По одной капле воды, – писал автор, – человек, умеющий мыслить логически, может сделать вывод о существовании Ниагарского водопада или Атлантического океана, даже если он никогда их не видел и ничего о них не слышал. Вся жизнь – гигантская цепь, о природе которой мы можем судить по единственному ее звену. Подобно всем прочим искусствам, умение наблюдать и делать выводы приобретает только путем долгих и упорных упражнений, и наш земной век слишком короток, чтобы овладеть этим умением в совершенстве. Прежде чем обратиться к тем его моральным и интеллектуальным аспектам, которые представляют собой наибольшее трудности, желающий добиться успеха в этом деле должен научиться решать задачи попроще. Для начала пусть он попробует, взглянув на случайного прохожего, сразу определить основные черты его биографии и профессию, которой он себя посвятил. Хотя это занятие может показаться детской забавой, оно обостряет способность к наблюдению и учит, куда надо смотреть и что искать. Ногти человека, его рукава, ботинки, брюки на коленях, мозоли на большом и указательном пальцах, выражение лица, манжеты рубашки – все это явственно говорит о том, какая у него профессия. По крайней мере, почти невозможно представить себе, чтобы, глядя на все это, опытный наблюдатель не сумел сделать достоверных выводов».

– Какой несусветный вздор! – воскликнул я, хлопнув журналом об стол. – В жизни не читал подобной чепухи!

– О чем это вы? – поинтересовался Шерлок Холмс.

– Да вот об этой статье, – сказал я, ткнув в нее ложкой, и принялся за свое яйцо. – Я вижу, вы ее уже прочли, раз она помечена. Написано бойко, что и говорить. Но все равно, меня такие штучки бесят! Совершенно ясно, что это писал какой-то книжный червяк, любитель сочинять изящные парадоксы в тиши своего кабинета. Но какой прок в его теориях? Запихнуть бы этого умника в вагон третьего класса подземки и предложить ему угадать профессии пассажиров – готов поставить тысячу против одного, что у него ничего не выйдет!

– И вы проиграете, – спокойно заметил Холмс. – А статью написал я.

– Вы?

– Да. У меня есть склонность к наблюдению и анализу. Теория, которую я здесь изложил и которая показалась вам столь далекой от жизни, на самом деле весьма полезна – полезна настолько, что с ее помощью я зарабатываю себе на хлеб с маслом.

– Как это? – невольно вырвалось у меня.

– Видите ли, у меня редкая профессия. Возможно, я единственный ее представитель на всем белом свете. Я сыщик-консультант, если вы понимаете, что это такое. У нас в Лондоне множество сыщиков – одни состоят на государственной службе, другие работают частным образом. Когда эти люди заходят в тупик, они обращаются ко мне, и я стараюсь навести их на верный след. Они излагают мне факты, и, поскольку я неплохо знаком с историей преступлений, мне обыкновенно удается извлечь из них что-нибудь путное. Многие злодеяния сходны между собой, и если вы хорошо помните обстоятельства тысячи уголовных дел, вам не так уж трудно распутать тысяча первое. Лестрейд – очень известный сыщик. Недавно он запутался в одной истории о подложных документах, и это привело его сюда.

– А остальные ваши гости?

– Как правило, их присылают ко мне частные детективные агентства. Все это люди, попавшие в беду; им нужно пролить свет на то, что с ними случилось. Я выслушиваю их рассказы, они выслушивают мое заключение – и я кладу в карман гонорар.

– Не хотите ли вы сказать, что, не покидая этой комнаты, можете распутать узел, над которым тщетно бьются другие – те, кто видел все подробности своими глазами?

– Именно так. Мне помогает своего рода интуиция. Впрочем, иногда бывают случаи посложнее – тогда приходится побегать, чтобы во всем разобраться. Не забывайте, что в моем

распоряжении имеется уйма специальных знаний, а это значительно упрощает дело. Правила дедукции, изложенные в статье, о которой вы отозвались с таким презрением, – бесценный инструмент в моей работе. Наблюдение давно стало моей второй натурой. Помните, как вы удивились в день нашего знакомства, когда я сказал, что вы приехали из Афганистана?

– Очевидно, кто-то вам об этом сообщил.

– Ничего подобного. Я был уверен, что вы прибыли из Афганистана. Благодаря долгой практике цепочка умозаключений складывается в моем мозгу настолько стремительно, что я сделал окончательный вывод, даже не замечая промежуточных шагов. Но они были, эти шаги. Я рассуждал примерно так: «Этот джентльмен похож на врача, но выправка у него армейская. Стало быть, военный врач. Он только что вернулся из тропиков, потому что лицо у него смуглое, но это не природный цвет его кожи, поскольку запястья у него гораздо светлее. Судя по его худобе, он побывал в серьезных передрыгах и перенес тяжелую болезнь. Левая рука у него повреждена: он держит ее слегка неестественно. Где же именно в тропиках английский военный врач мог перенести столько невзгод и получить ранение в руку? Очевидно, в Афганистане». Весь ход мыслей не занял у меня и секунды. Потом я сказал, что вы приехали из Афганистана, и вы удивились.

– После ваших объяснений все кажется очень простым, – улыбнулся я. – Вы напоминаете мне Дюпена из рассказов Эдгара Аллана По. Я думал, такие люди бывают только в книгах.

Шерлок Холмс поднялся с кресла и раскурил трубку.

– Вы, без сомнения, полагаете, что делаете мне комплимент, сравнивая меня с Дюпеном, – заметил он. – А по-моему, ваш Дюпен отнюдь не блистал умом. Этот его приемчик: продолжать ход мыслей своего приятеля каким-нибудь внезапным замечанием после десятиминутной паузы в разговоре, – несложный трюк, рассчитанный на дешевый эффект. Конечно, он обладал некоторыми способностями к анализу, однако вовсе не был таким уж феноменом, каким изобразил его По.

– А Габорио вы читали? – спросил я. – Как по-вашему, Лекко – хороший сыщик?

Шерлок Холмс пренебрежительно хмыкнул.

– Лекко – редкий тупица, – сердито сказал он. – У него только и есть что энергия. Меня от этой книги чуть не стошнило. Ему надо было всего-навсего установить личность заключенного. Мне хватило бы для этого двадцати четырех часов, а он копался добрых полгода! По этому сочинению можно учить сыщиков, как не надо работать.

Холмс так бесцеремонно обругал моих любимых литературных героев, что в душе у меня вспыхнуло негодование. Я подошел к окну и устремил взгляд на оживленную улицу. «Может, он и умен, – сказал я себе, – но такое самодовольство – это уж чересчур».

– Где они теперь, настоящие преступления и настоящие преступники? – брюзгливо сказал Холмс. – Кому нужны мозги в нашей профессии? Я отлично знаю, что мог бы прославиться. На свете нет и никогда не было человека, который посвятил бы раскрытию преступлений больше труда и врожденного таланта, чем я. И что в результате? Раскрывать нечего – разве что какое-нибудь дурацкое, неумелое злодейство с таким банальным мотивом, что даже полицейские из Скотленд-Ярда видят все насквозь.

Меня по-прежнему раздражал его высокомерный тон, и я решил, что лучше будет сменить тему.

– Интересно, что он там ищет? – спросил я, указывая на рослого, просто одетого человека, который шел по другой стороне улицы, внимательно вглядываясь в номера домов. В руке он держал большой синий конверт – очевидно, это был посыльный.

– Кто – вон тот отставной флотский сержант? – отозвался Холмс.

«Жалкий хвостун! – подумал я про себя. – Понимает, что его не проверишь».

Едва эта мысль успела проскользнуть у меня в голове, как человек, за которым мы наблюдали, увидел номер на нашей двери и бегом пересек мостовую. Мы услышали громкий стук, звучный голос внизу и тяжелые шаги на лестнице.

– Мистеру Шерлоку Холмсу, – сказал он, переступая порог и протягивая конверт моему товарищу.

Это была прекрасная возможность сбить с него спесь: он вряд ли предвидел такое развитие событий, когда пытался наобум угадать бывшую профессию почтальона.

– Позвольте спросить, любезный, – сказал я самым вкрадчивым тоном, на какой только был способен, – чем вы занимаетесь?

– Работаю курьером, сэр, – хриловатым голосом ответил он. – Форму отдал в починку.

– А раньше кем были? – продолжал я, с легким злорадством покосившись на своего компаньона.

– Сержантом Королевской морской пехоты, сэр. Ответа не ждать? Есть, сэр.

Он шелкнул каблуками, отдал честь и был таков.

Глава 3 Тайна Лористон-Гарденс

Признаюсь, что я был ошеломлен этим неожиданным доказательством практической пригодности теории моего компаньона. Мое уважение к его аналитическим способностям сразу же резко возросло. Правда, где-то на задворках моего сознания брезжило подозрение, что вся история с посыльным подстроена, чтобы сбить меня с толку, но зачем Холмсу могло понадобиться меня дурачить – этого я решительно не мог уразуметь. Когда я посмотрел на него, он как раз дочитал письмо и его потускневшие глаза приняли то рассеянное выражение, которое свидетельствует о поглощенности человека своими мыслями.

– Как, скажите на милость, вы это определили? – спросил я.

– Что именно? – недовольно откликнулся он.

– Ну что он отставной сержант морской пехоты?

– У меня нет времени на пустяки, – отрезал он, но тут же добавил с улыбкой: – Простите за грубость. Вы прервали нить моих размышлений, но, может, оно и к лучшему. Так значит, вы не сумели разглядеть, что этот человек служил во флоте?

– Нет, не сумел.

– Легче было понять это, чем объяснить, как я понял. Если бы вас попросили доказать, что дважды два четыре, вы, пожалуй, столкнулись бы с некоторыми трудностями, хотя и не сомневаетесь в том, что это именно так. Даже отсюда, с другой стороны улицы, я увидел на руке этого малого татуировку – большой синий якорь. Тут сразу запахло морем. Осанка у него как у военного, и бакенбарды такие, какие разрешено носить флотским, – вот вам и морская пехота. Далее, ясно было, что он себя уважает и привык командовать – должно быть, вы заметили, как он держал голову и помахивал тростью. Основательный, уравновешенный человек средних лет – все эти факты и привели меня к заключению, что он был сержантом.

– Великолепно! – воскликнул я.

– Ничего особенного, – сказал Холмс, хотя по его лицу я видел, что он польщен моим откровенным удивлением и восторгом. – Пять минут назад я говорил, что преступники у нас перевелись. Похоже, я был не прав – взгляните-ка! – И он бросил мне письмо, принесенное курьером.

– Боже мой! – воскликнул я, пробежав его глазами. – Какой ужас!

– Действительно, несколько необычно, – спокойно заметил он. – Не соблаговолите ли прочесть это вслух?

Вот что я прочел Холмсу по его просьбе:

«Уважаемый мистер Шерлок Холмс!

Сегодня ночью в доме номер три по Лористон-Гарденс, близ Брикстон-роуд, случилось грязное дело. Часа в два наш дежурный на этом участке заметил там свет и, поскольку дом был нежилой, заподозрил неладное. Дверь оказалась открыта, а в прихожей, среди голых стен, лежал труп мужчины, хорошо одетого, с карточками в кармане на имя Инока Дж. Дреббера, Кливленд, Огайо, США. Его не ограбили, и пока остается неясным, как он встретил свою смерть. В комнате есть следы крови, но на теле не обнаружено никаких ран. Мы не знаем, как он попал в пустой дом, и вообще, вся эта история – сплошная загадка. Если Вы сможете заглянуть в этот дом в любое время до полудня, то найдете меня там. Пока я не получу от Вас ответа, здесь никто ничего не тронет. Если не сможете прийти, я сообщу Вам дополнительные детали и почту за огромную любезность с Вашей стороны, если Вы поделитесь со мной своими соображениями.

Искренне Ваш, Тобиас Грегсон».

– Грегсон – самый смысленый детектив в Скотленд-Ярде, – заметил мой друг. – Они с Лестрейдом, так сказать, лучшие среди худших. Оба бойкие, напористые, хотя мыслят чересчур шаблонно – ни капли оригинальности. Между прочим, они не слишком ладят друг с другом. Ревнивы, как парочка профессиональных красавиц. Забавно будет, если их обоих поставят на это дело.

Я был поражен невозмутимостью, с которой он излагал мне все это.

– Наверное, нельзя терять ни минуты! – воскликнул я. – Хотите, я поймаю вам кеб?

– А я еще не решил, ехать мне или нет. Я ведь лентяй, каких свет не видел. Хотя иногда могу и взбодриться, если вдруг найдет такой стих.

– Но это же тот самый случай, о котором вы мечтали!

– Дорогой мой, ну какой мне с него прок? Даже если я распутая дело, можете не сомневаться, что все почести достанутся Грегсону, Лестрейду и компании. Вот что значит быть неофициальным лицом.

– Но он просит вас о помощи.

– Да. Он знает, что ему до меня далеко, и признаётся мне в этом, но скорее отрежет себе язык, чем повторит это кому-то третьему. Впрочем, можно поехать и взглянуть, как там и что. Займусь делом на свой страх и риск. В конце концов, хоть посмеюсь над ними, если больше ничего не получу. Вперед!

Он схватил плащ, и по его энергичным движениям я понял, что приступ хандры сменился приступом активности.

– Берите шляпу, – сказал он.

– Хотите, чтобы я поехал с вами?

– Да, если у вас нет занятия поинтересней.

Минуту спустя наемный экипаж уже мчал нас в сторону Брикстон-роуд. Утро выдалось хмурое, туманное; над крышами домов висела серовато-бурая дымка, словно отражение грязных улиц внизу. Мой спутник был в прекрасном расположении духа и без умолку болтал о кремонских скрипках и о разнице между инструментами Страдивари и Амати. Я же, напротив, хранил молчание, поскольку дурная погода и мрачное дело, ожидавшее нас впереди, действовали на меня угнетающе.

– Похоже, вас не очень занимает цель нашего путешествия, – наконец сказал я, прервав музыкальные рассуждения Холмса.

– Мне не хватает данных, – ответил он. – Ни в коем случае нельзя строить теории, пока у вас на руках нет всех фактов. Иначе можно потерять объективность.

– Скоро вы получите ваши факты, – заметил я, показывая в окно. – Вот Брикстон-роуд, а вон и тот самый дом, если я, конечно, не ошибаюсь.

– Все верно. Стойте, кучер, стойте!

Нам оставалось до места около сотни ярдов, но Холмс настоял на том, чтобы мы сошли и проделали финальную часть пути пешком.

Номер третий по Лористон-Гарденс имел зловещий и угрюмый облик. Это был один из четырех домов, слегка отстоящих от мостовой, – в двух кто-то жил, а два других пустовали. Последние меланхолически взирали на нас тремя рядами унылых, подслеповатых окон, на которых там и сям, словно бельма, торчали таблички «Сдается внаем». Каждый из этих домов был отделен от улицы маленьким палисадником с редкой и чахлой растительностью, разрезанным пополам узкой желтоватой дорожкой, состоящей, насколько я мог судить, из смеси глины и гравия. Ночью прошел дождь, и все вокруг порядком раскисло. Палисадники были огорожены трехфутовой кирпичной стеной, оцетинившейся сверху деревянными колышками, и к этой стене прислонился дюжий констебль. Рядом с ним собралась кучка зевак, которые вытягивали шеи в тщетной надежде хоть краешком глаза углядеть, что творится внутри.

Я полагал, что Шерлок Холмс немедленно кинется в дом и начнет расследование. Однако у него, похоже, были совсем другие планы. С беззаботным видом, который в этой ситуации показался мне граничащим с позерством, он прошелся туда-сюда по тротуару, рассеянно поглядывая на землю, небо, дома напротив и ограду. Закончив осмотр, он медленно двинулся по дорожке, или, точнее, по узкой полоске травы вдоль нее, не отрывая взгляда от земли. Дважды он останавливался, а один раз я заметил у него на лице улыбку и услышал сорвавшееся с его губ довольное восклицание. На мокрой глинистой почве должно было остаться множество следов, но поскольку служители порядка успели добавить к ним щедрую толику своих собственных, я не мог понять, что мой друг рассчитывает там найти. Тем не менее, получив недавно весьма впечатляющие доказательства его проницательности, я не сомневался, что он видит гораздо больше того, что открыто моему скромному взору.

У дверей дома нас встретил высокий белолицый человек с соломенными волосами и блокнотом в руке; он бросился к моему спутнику и горячо пожал ему руку.

– Как славно, что вы пришли, – сказал он. – Здесь никто ничего не трогал.

– Кроме этого! – откликнулся мой друг, кивнув на дорожку. – Даже стадо буйволов не смогло бы так основательно все затоптать. Но вы, Грегсон, – вы, конечно, успели сделать необходимые выводы, прежде чем позволили своим подчиненным так поступить.

– У меня было много работы внутри, – уклончиво сказал сыщик. – Здесь мой коллега, мистер Лестрейд. Я думал, он об этом позаботится.

Холмс искоса взглянул на меня и саркастически поднял брови.

– После таких специалистов, как вы с Лестрейдом, человеку со стороны вряд ли удастся отыскать здесь еще что-нибудь стоящее, – сказал он.

Грегсон самодовольно потер руки.

– Думаю, мы сделали все, что можно, – ответил он. – Однако дело странное, а я знаю, что вы такие любите.

– Вы ведь приехали сюда не в кебе? – спросил Шерлок Холмс.

– Нет, сэр.

– А Лестрейд?

– Тоже нет.

– Тогда пойдемте посмотрим комнату, – без всякой логики заключил Холмс и зашагал в дом.

Удивленно пожав плечами, Грегсон двинулся за ним по пятам.

Пыльный короткий коридор с голыми, обшитыми деревом стенами вел в кухню и подсобные помещения. Слева и справа было по двери. Одну из них явно не отпирали уже много

недель. За другой находилась столовая – то самое место, где обнаружили труп. Холмс ступил туда, и я последовал за ним с той тяжестью на душе, какую порождает присутствие смерти.

Это была большая квадратная комната, казавшаяся еще больше из-за полного отсутствия мебели. Яркие аляповатые обои на ее стенах местами уже разъела плесень, а кое-где они свисали кусками вниз, обнажая желтую штукатурку. Напротив двери красовался претенциозный камин, увенчанный белой полкой «под мрамор». К ее углу был прилеплен огарок красной восковой свечи. В единственное и чрезвычайно грязное окно едва пробивался тусклый, неверный свет, который окрашивал все вокруг в унылые серые тона, в чем ему немало помогал толстый слой лежащей повсюду пыли.

Все эти подробности я заметил позже. Сначала мое внимание целиком сосредоточилось на одной мрачной неподвижной фигуре, которая распростерлась на дощатом полу, устремив свой равнодушный, невидящий взгляд в полинявший потолок. Это был труп человека лет сорока трех или сорока четырех, среднего роста, широкоплечего, с черными курчавыми волосами и короткой щетинистой бородкой. Его костюм составляли сюртук из плотного сукна, жилетка, светлые брюки и безупречный воротничок с манжетами. Рядом, на полу, валялся начищенный до блеска цилиндр. Руки мертвого, сжатые в кулаки, были раскинуты в стороны, а ноги цеплялись одна за другую, что говорило об отчаянной борьбе со смертью. Его черты исказила гримаса ужаса, смешанного, как мне почудилось, с ненавистью, – такого выражения мне еще ни разу не доводилось наблюдать на человеческом лице. Эта жуткая, злобная мина в сочетании с низким лбом, коротким носом и выступающей нижней челюстью придавала мертвецу бросающееся в глаза сходство с крупной обезьяной, которое еще более усугублялось его неестественной позой. Я видел смерть в разных обличьях, но никогда еще она не казалась мне такой страшной, как в этой темной, прокопченной комнате близ одной из главных магистралей лондонских окраин.

Лестрейд, как всегда тощий и похожий на хорька, появился на пороге и приветствовал нас с Холмсом.

– Шумиха подымется изрядная, сэр, – заметил он. – Мне такие дела еще не попадались, а я ведь тертый калач.

– И никаких зацепок? – спросил Грегсон.

– Ни единой, – в тон ему отозвался Лестрейд.

Шерлок Холмс приблизился к телу и, став на колени, внимательно его осмотрел.

– Вы уверены, что ран нет? – спросил он, указывая на многочисленные пятна и брызги крови вокруг.

– Абсолютно! – воскликнули оба детектива.

– Тогда, очевидно, это кровь другого человека – предположительно убийцы, если здесь было совершено убийство. Это напоминает мне обстоятельства смерти Ван Янсена в Утрехте в тридцать четвертом году. Помните это дело, Грегсон?

– Нет, сэр.

– Почитайте о нем, не пожалеете. Нет ничего нового под солнцем! Все уже бывало прежде.

Пока он говорил, его ловкие пальцы так и летали над трупом, ощупывая, надавливая, расстегивая, изучая, тогда как в глазах у него застыло то самое отсутствующее выражение, которое я подмечал раньше. Осмотр был произведен настолько быстро, что посторонний легко мог бы усомниться в его тщательности. Под конец Холмс понюхал губы трупа и мельком взглянул на подошвы его лакированных туфель.

– Его совсем не перемещали? – спросил он.

– Разве что самую малость, во время осмотра.

– Можно отправлять в морг, – сказал Холмс. – Нам он больше не пригодится.

За дверь уже дожидались четверо полицейских с носилками. По команде Грегсона они вошли в комнату, забрали мертвеца и вынесли за порог. Когда они поднимали тело, что-то вдруг звякнуло, и по полу покатилося колечко. Лестрейд схватил его и вперился в него недоумевающим взором.

– Тут была женщина! – вскричал он. – Это женское обручальное кольцо.

Он протянул к нам ладонь с кольцом. Мы подошли ближе и принялись рассматривать найденную вещицу. Не было никаких сомнений в том, что когда-то этот тонкий ободок из чистого золота блестел на пальце невесты.

– Это усложняет дело, – сказал Грегсон. – А оно, видит бог, и так достаточно сложное.

– Вы уверены, что не упрощает? – возразил Холмс. – Ну да что толку на него глазеть. Что вы нашли у мертвого в карманах?

– Все здесь, – ответил Грегсон, указывая на кучку предметов на одной из нижних ступеней лестницы. – Золотые часы номер 97163 производства «Барро», Лондон. Цепочка для часов, тоже золотая, очень прочная и массивная. Золотой перстень с масонской эмблемой. Золотая булавка – голова бульдога с рубинами вместо глаз. Кожаная визитница с карточками на имя Инока Дж. Дреббера из Кливленда, что соответствует инициалам на белье – И. Дж. Д. Кошелек нет, но деньги имеются, на общую сумму семь фунтов тринадцать шиллингов. Карманное издание «Декамерона» Боккаччо с именем «Джозеф Стенджерсон» на форзаце. Два письма – одно адресовано И. Дж. Дребберу, второе все тому же Джозефу Стенджерсону.

– На какой адрес?

– Американская биржа на Стренде, до востребования. Оба отправлены Гуйонской паровой компанией, и оба содержат расписание отхода ее судов из Ливерпуля. Ясно, что этот несчастный собирался возвращаться в Нью-Йорк.

– Вы навели справки об этом Стенджерсоне?

– Сразу же, сэр, – ответил Грегсон. – Я велел дать объявления во все газеты, а один из моих людей отправился на Американскую биржу, но еще не вернулся.

– В Кливленд сообщили?

– Телеграммой, нынче утром.

– В каких словах?

– Просто описали ситуацию и сказали, что будем благодарны за любые полезные сведения.

– Вы не интересовались подробностями, которые показались вам особенно важными?

– Я спросил о Стенджерсоне.

– И только? Разве в этом деле нет обстоятельства, от которого зависит все остальное? Вы не думаете послать еще одну телеграмму?

– Я написал все, что считал нужным, – с обидой в голосе ответил Грегсон.

Шерлок Холмс усмехнулся себе под нос и хотел было отпустить какое-то замечание, но вдруг из столовой – наш разговор происходил в коридоре – показался Лестрейд, потирающий руки с видом глубочайшего довольства собой.

– Мистер Грегсон, – сказал он, – я только что сделал открытие исключительной важности, которое так и осталось бы для нас тайной, если бы я не решил как можно тщательнее осмотреть стены.

Глаза маленького человечка сверкали – очевидно, ему было трудно сдерживать ликование, вызванное тем, что он обставил своего коллегу на одно очко.

– Подите-ка сюда, – позвал он, торопливо возвращаясь в комнату, где стало гораздо легче дышать после отбытия ее страшного обитателя. – Смотрите!

Он чиркнул о ботинок спичкой и поднес ее к стене.

– Как вам это нравится? – с триумфом спросил он.

Я уже говорил, что обои в комнате частично отклеились от стен. В углу оторвался большой кусок, открыв желтый квадрат грубой штукатурки. На этой голой поверхности было нацарапано кроваво-красными буквами одно-единственное слово:

RACHE

– Ну, что скажете? – воскликнул сыщик, словно конферансье после эффектного номера. – Этого никто не заметил, потому что угол здесь темный и никому не пришло в голову сюда заглянуть. Убийца написал это своей собственной кровью. Видите, вот тут она стекла струйкой по стене? Во всяком случае, версия самоубийства теперь исключается. А почему был выбран именно этот угол? Я вам скажу. На каминной полке стоит свеча. Тогда она горела, а если ее зажечь, этот угол сразу превратится из самого темного в самый светлый.

– И что же означает эта ваша надпись? – с легким пренебрежением в голосе спросил Грегсон.

– Что она означает? Ясно как день, что убийца хотел – ну или хотела, если это была она, – написать женское имя «Рэчел», но кто-то его спугнул. Помните мои слова: когда мы разгадаем эту тайну, вы увидите, что в ней замешана женщина по имени Рэчел. Смейтесь, смейтесь, мистер Шерлок Холмс. Конечно, ума вам не занимать, но в конечном счете и вы признаете, что у старой ищейки не грех кое-чему поучиться.

– Простите великодушно! – сказал мой компаньон, чей бестактный смех вывел из себя маленького человечка. – Действительно, вы первым из нас обнаружили эту улику, за что вам честь и хвала, и я совершенно согласен с вами в том, что она оставлена вторым участником ночной трагедии. Я еще не успел как следует осмотреть комнату и с вашего позволения займусь этим сейчас.

С этими словами он выудил из кармана рулетку и большую лупу. Вооруженный таким образом, он неслышно двинулся в обход комнаты, кое-где останавливаясь, порой опускаясь на колени, а однажды и вовсе улегшись плашмя на пол. Его так поглотило это занятие, что он, похоже, совсем забыл о нашем присутствии, ибо все время бормотал что-то себе под нос, не давая иссякнуть тонкому ручейку восклицаний, огорченных вздохов, посвистываний и тихих возгласов, в которых слышались ободрение и надежда. Своим поведением он живо напомнил мне чистопородную, хорошо выдрессированную гончую на лисьей охоте – то, как она рыщет туда и сюда по лесу, повизгивая от нетерпения, покуда вновь не нападет на потерянный след. Минут двадцать, если не больше, он продолжал свои исследования, вымеряя с величайшей тщательностью расстояние между совершенно невидимыми для меня следами, а иногда прикладывая свою рулетку к стене, где я тоже не замечал ровно ничего достойного внимания. В одном месте он аккуратно собрал с половицы щепотку серой пыли и положил ее в конверт. Наконец он внимательно изучил надпись на стене, очень пристально рассмотрев в лупу каждую букву. Покончив с этим, он с удовлетворенным кивком убрал лупу и рулетку обратно в карман.

– Говорят, что гений – это бесконечное трудолюбие, – обронил он с улыбкой. – Определение не слишком удачное, но к работе детектива подходит как нельзя лучше.

Грегсон и Лестрейд наблюдали за манипуляциями своего штатского коллеги с немалым любопытством и долей презрения. Они явно были не в силах понять то, что уже начал понимать я, – что самые незначительные действия Шерлока Холмса направлены на достижение какой-то вполне конкретной практической цели.

– Так что же, сэр? – спросили оба.

– С моей стороны было бы чересчур самонадеянно лезть к вам со своей помощью, – откликнулся мой друг. – Вы так хорошо справляетесь, что лавры за раскрытие этого дела не должны достаться постороннему. – В его голосе звучал неприкрытый сарказм. – Если вы дадите мне знать, как идет расследование, – продолжал он, – я буду рад помочь чем смогу. А пока я хотел бы переговорить с констеблем, который нашел тело. Вы не назовете мне его имя и адрес?

Лестрейд заглянул в блокнот.

– Джон Ранс, – сказал он. – Сегодня у него выходной. Вы найдете его на Кеннингтон-Парк-Гейт, Одли-Корт, дом сорок шесть.

Холмс записал адрес.

– Пойдемте, доктор, – сказал он, – попробуем его отыскать. Я сообщу вам кое-какие мелочи, которые могут пригодиться в работе над делом, – продолжал он, обернувшись к двум сыщикам. – Это убийство, и убийца – мужчина во цвете лет. Он высок – больше шести футов, хотя ноги у него довольно маленькие для такого роста. Ночью на нем были грубые сапоги с квадратными носами, и он курил тричинопольскую сигару³. Приехал он сюда вместе с жертвой в четырехколесном кебе, запряженном лошадей с тремя старыми подковами и одной новой, на правой передней ноге. По всей вероятности, у преступника красное лицо и нестриженные ногти на правой руке. Это лишь несколько деталей, но они могут сыграть свою роль.

Лестрейд и Грегсон переглянулись с недоверчивыми улыбками.

– Если этого человека убили, то каким способом? – спросил первый.

– Яд, – бросил Шерлок Холмс и зашагал прочь. – И еще одно, Лестрейд, – добавил он, обернувшись на пороге. – «Rache» по-немецки «месть», так что не теряйте времени на поиски мисс Рэчел.

Выпустив эту парфянскую стрелу, он ушел, а два соперника смотрели ему вслед, разинув рты.

Глава 4 Что рассказал Джон Ранс

Мы покинули дом номер три по Лористон-Гарденс в час пополудни. Шерлок Холмс повел меня на ближайший телеграф, где отправил длинную телеграмму. Затем он остановил кеб и велел кучеру отвезти нас по адресу, взятому у Лестрейда.

– Нет ничего полезнее сведений из первых рук, – заметил он. – Честно говоря, я уже составил свое мнение по этому делу, но нам все равно не мешает узнать то, чего мы еще не знаем.

– Вы меня поражаете, Холмс, – сказал я. – Не можете же вы быть и вправду так уверены во всех подробностях, которые нам перечислили!

– А мне было негде ошибиться, – ответил он. – Первое, что я заметил, когда мы приехали, – это две колеи, оставленные кебом, подкатившим совсем близко к тротуару. Но до прошлой ночи целую неделю стояла сухая погода, а значит, колеса, от которых остались такие глубокие отпечатки, побывали там именно этой ночью. Видел я и следы лошадиных копыт, причем след от одного из них был гораздо отчетливее, чем от трех других, – стало быть, эта подкова новая. Поскольку кеб приезжал после начала дождя, а утром никаких экипажей больше не появлялось – это известно со слов Грегсона, – можно сделать вывод, что именно он доставил к дому обоих участников ночного приключения.

– Ну, это довольно просто, – сказал я. – Но как вы узнали рост убийцы?

– В девяти случаях из десяти рост человека можно определить по длине его шага. Вычисления очень просты, но не буду утомлять вас цифрами. Я измерил шаг того парня и на земле снаружи, и на пыльном полу внутри. Потом мне представился случай проверить свои подсчеты. Когда кто-нибудь пишет на стене, он машинально выбирает для этого место на уровне своих глаз. А та надпись была на высоте чуть больше шести футов над полом. В общем, задачка для первого класса.

– А его возраст? – спросил я.

³ Тричинополи – город в Индии, центр табачного производства.

– Если человек может одним махом покрыть расстояние в четыре с половиной фута, он вряд ли древний старик. Но именно такова была ширина лужи на садовой дорожке, которую он, очевидно, перешагнул. Лакированные туфли обошли ее стороной, а квадратные носы перепрыгнули. Во всем этом нет никакой тайны. Я просто применяю в обычной жизни те самые методы наблюдения и поиска логических связей, которые отстаивал в своей статье. Что еще вас смущает?

– Ногти и тричинопольская сигара.

– Надпись на стене была сделана пальцем, измазанным в крови. Лупа позволила мне рассмотреть, что штукатурку при этом слегка поцарапали, чего не случилось бы, будь ноготь на пальце коротко подстрижен. Далее, я собрал с пола немножко пепла. Он был хлопьевидным, темного цвета – такой пепел мог упасть только с сигары, изготовленной в Тричинополи. Когда-то я подробно изучал типы сигарного пепла – честно сказать, даже написал об этом брошюрку. Лыщу себя надеждой, что могу с первого взгляда опознать пепел от табака любой известной марки, хоть сигарного, хоть трубочного. Как раз подобные мелочи и отличают умелого сыщика от всяких там Грегсонов и Лестрейдов.

– А красное лицо? – спросил я.

– Это более смелая догадка, хотя не сомневаюсь, что и тут я прав. Но пока вам лучше не спрашивать меня об этом.

Я провел рукой по лбу.

– У меня голова идет кругом, – признался я. – Чем больше думаешь об этой истории, тем загадочней она кажется. Как эти двое, если их действительно было двое, попали в пустой дом? Куда делся кучер, который их привез? Как одному из них удалось заставить другого принять яд? Откуда взялась кровь? Что было нужно убийце, если он даже не ограбил свою жертву? Откуда там появилось женское кольцо? И наконец, зачем второй решил написать перед уходом немецкое слово «Rache»? Признаюсь, что я не вижу способа связать вместе все эти факты.

Мой спутник одобрительно улыбнулся.

– Вы весьма точно и кратко изложили все трудности этого дела, – сказал он. – Многое еще остается неясным, хотя главное уже не вызывает у меня никаких сомнений. Что касается надписи, обнаруженной беднягой Лестрейдом, то она была сделана просто для отвода глаз, чтобы сбить полицию с толку намеком на социалистов и тайные общества. Это писал не немец. Буква «А», если вы заметили, изображена в готическом стиле. Однако настоящие немцы всегда пишут обыкновенными буквами, поэтому мы смело можем утверждать, что эта надпись – дело рук неопытного имитатора, который перегнул палку, пытаясь прикинуться немцем. Это просто уловка, попытка направить следствие по ложному пути. Больше я не стану вам ничего объяснять, доктор. Вы же знаете, фокусником перестают восхищаться после того, как он раскроет секреты своих трюков, и если я расскажу вам чересчур много о своих методах, вы, пожалуй, придете к выводу, что я, в общем-то, самая заурядная личность.

– Ни в коем случае, – ответил я. – Вы сделали сыскную работу настолько близкой к точной науке, насколько это возможно.

Услышав эти слова, произнесенные мною с глубокой серьезностью, мой спутник порозовел от удовольствия. Я уже замечал, что он был не менее чувствителен к похвалам своему искусству, чем юная девица к комплиментам по поводу ее красоты.

– Скажу вам еще кое-что, – промолвил он. – Лакированные туфли и квадратные носы приехали в одном кебе и прошли по дорожке вместе, как закадычные друзья, – по всей вероятности, рука об руку. Очутившись внутри, они принялись расхаживать по комнате – вернее, лакированные туфли стояли неподвижно, а квадратные носы расхаживали взад и вперед. Все это я прочел на пыльном полу, а еще я прочел, что второй мало-помалу начинал горячиться. Об этом свидетельствует длина его шагов, которая все увеличивалась и увеличивалась. Он говорил без умолку и наконец взвинтил себя до того, что впал в ярость. Потом произошла трагедия.

Ну вот, теперь я рассказал вам все, что знаю, поскольку остальное лишь догадки и подозрения. Однако у нас есть хороший фундамент для начала работы. Нам нужно поторопиться, потому что сегодня вечером я хочу успеть на концерт Халлэ, послушать Норман Неруду⁴.

Эта беседа происходила, пока наш кеб пробирался по бесконечному лабиринту грязных, убогих улиц и улочек. На самой грязной и убогой из них кучер вдруг остановился.

– Вон Одли-Корт, – сообщил он, указывая на узкую щель в ряду однообразно-серых кирпичных зданий. – Я вас тут подожду.

Одли-Корт был малоприятным местом. Узкий проулок вынырнул на прямоугольный двор, вымощенный плитняком и окруженный унылыми домами. Одолев несколько препятствий в виде стоек замурзанной детворы и развешанного на веревках застиранного белья, мы отыскали номер сорок шесть, дверь которого украшала латунная табличка с выгравированной на ней фамилией Ранса. Нас проинформировали о том, что констебль спит, и провели в крошечную гостиную дожидаться его выхода.

Вскоре он появился, заметно раздраженный тем, что его отдых прервали.

– Я обо всем доложил в конторе, – сказал он.

Холмс вынул из кармана монету в полсоверена и задумчиво повертел ее в пальцах.

– Нам очень хотелось бы услышать эту историю из ваших собственных уст, – сказал он.

– С радостью сообщу вам все, что смогу, – ответил констебль, не сводя глаз с маленького золотого диска.

– Просто расскажите о том, что случилось, своими словами.

Ранс сел на кушетку, набитую конским волосом, и сдвинул брови с явным намерением не упустить в своем отчете ни одной подробности.

– Значит, начнем с начала, – сказал он. – Моя смена с десяти вечера до шести утра. В одиннадцать в «Белом олене» маленько подрались, а так на моем участке было тихо. В час пошел дождь, я встретил Гарри Мерчера – это который дежурит на Холланд-Гроув, – и мы с ним постояли на углу Хенриетта-стрит, поболтали о том о сем. Потом – может, в два или чуток позже – я подумал, что надо бы пройтись по Брикстон-роуд, глянуть, все ли там в порядке. Грязно было, и народу вокруг никого. Пока я шел, ни души не встретил, хотя парочка кебов проехали мимо. Иду я, значит, и думаю, между нами говоря, как славно было бы пропустить сейчас стаканчик горячего джина, – и вдруг в окошке того самого дома вроде как мелькнул свет. Ну, я-то знаю, что эти два дома на Лористон-Гарденс стоят пустые из-за владельца: он никак не соберется почистить канализацию, хотя последний жилец у него помер от брюшного тифа. Поэтому я как увидел там свет, так сразу заподозрил, что дело неладно. Когда я подошел к двери...

– Вы остановились, а потом вернулись к калитке, – прервал его мой компаньон. – Скажите, зачем?

Ранс буквально подскочил на месте и уставился на Шерлока Холмса с видом глубочайшего изумления.

– Ваша правда, сэр, – сказал он, – хотя как вы догадались, ума не приложу. Понимаете, когда я подошел к двери, вокруг было так тихо и одиноко, что я подумал, не взять ли мне кого-нибудь с собой за компанию. Я не боюсь ничего по эту сторону могилы, но тут подумал: а может, покойник заявился проверить трубы, которые его сгубили. У меня прямо мурашки по коже поползли, и я вернулся к калитке поглядеть, не видно ли где фонаря Мерчера, но ничего не увидел – ни его, ни кого другого.

– То есть на улице никого не было?

⁴ Халлэ, Чарльз – основатель одного из ведущих симфонических оркестров Великобритании, Норман Неруда – скрипачка, супруга Халлэ.

– Ни души, сэра, – собак, и тех ни одной. Тогда я взял себя в руки, вернулся и отворил дверь. Внутри стояла тишина, и я пошел в комнату, где заметил свет. На камине горела свеча – красная, восковая, и при ее свете я увидел...

– Знаю, что вы увидели. Вы обошли комнату несколько раз, потом стали на колени рядом с трупом, потом вышли проверить, заперта ли дверь в кухню, а потом...

Джон Ранс вскочил с кушетки – в его взгляде читались испуг и подозрение.

– Где вы там прятались, а? – воскликнул он. – Что-то вы больно много знаете.

Холмс засмеялся и кинул на столик перед констеблем свою визитную карточку.

– Пожалуйста, не надо арестовывать меня за убийство, – сказал он. – Я не волк, а одна из ищеек; мистер Грегсон или мистер Лестрейд подтвердят вам это. Но давайте продолжим. Что вы сделали потом?

Ранс снова уселся на свое место, хотя вид у него был по-прежнему озадаченный.

– Я вернулся к калитке и засвистел. Прибежали Мерчер и еще двое.

– А улица была пуста?

– Можно сказать и так, если не считать всякую шваль.

– Как это понимать?

По лицу констебля расплылась широкая ухмылка.

– Повидал я пьяных на своем веку, – сказал он, – но чтоб так нализаться, как этот! Он был у калитки, когда я вышел, – привалился к ограде и горланил что есть мочи про какой-то грозный волосатый флаг или что-то в этом духе. Какой из него помощник – его и ноги-то не держали.

– Как он выглядел? – спросил Шерлок Холмс.

Джон Ранс был явно раздражен этим не относящимся к делу вопросом.

– Пьяный как свинья, вот как он выглядел, – сказал он. – Кабы мы не были так заняты, ночевать бы ему в кутузке.

– А его лицо, одежда? Вы что, ничего не видели? – нетерпеливо прервал его Холмс.

– Да нет, как не видел. Мы с Мерчером даже пытались его поднять. Здоровый такой малый, краснорожий, обмотался шарфом чуть не до носа.

– Ага! – вскричал Холмс. – И куда он делся?

– У нас и без него дел хватало, – обиженным тоном сказал полицейский. – Няничиться с ним, что ли? Добрел домой как-нибудь, уж будьте уверены.

– Во что он был одет?

– В коричневое пальто.

– Хлыста в руке не было?

– Хлыста? Нет.

– Значит, не взял с собой, – пробормотал мой спутник. – Вы не заметили, после этого мимо не проезжал кеб? Или, может, слышали стук колес?

– Нет.

– Вот ваши полсоверена, – сказал мой спутник, вставая и надевая шляпу. – Боюсь, Ранс, что вам никогда не дослужится до приличного звания. Головой надо иногда думать, а не носить ее просто так, для красоты. Прошлой ночью вы могли бы заработать сержантские нашивки. У человека, который был у вас в руках, ключ к разгадке тайны, – его-то мы и ищем. Что толку теперь спорить – можете поверить мне на слово. Пойдемте, доктор.

Мы двинулись обратно к своему кебу, оставив нашего собеседника если не убежденным в правоте Холмса, то явно выбитым из колеи.

– Поразительная тупость! – горько сказал Холмс, когда мы ехали домой. – Как можно проворонить такую удачу? Прямо в голове не укладывается!

– А я, признаться, еще блуждаю в темноте. Описание этого человека действительно соответствует вашему портрету второго участника ночных событий. Но зачем ему было возвращаться к дому, когда он его уже покинул? Преступники так себя не ведут.

– Кольцо, дорогой мой, кольцо – вот за чем он вернулся. Если нам не удастся изловить его иначе, мы всегда можем закинуть удочку с этим кольцом. Я поймаю его, доктор, – ставлю два против одного, что поймаю. Но я должен поблагодарить вас за все. Если бы не вы, я вряд ли вылез бы из дому и пропустил бы одно из самых замечательных дел, какие только попадались на моем пути, – прямо этюд в багровых тонах, а? Почему бы не воспользоваться языком художников? Убийство красной нитью вплетено в бесцветный клубок жизни, и наш долг – распутать этот клубок и вытащить из него красную нить, обнажая ее дюйм за дюймом. А теперь пообедаем и отправимся слушать Норман Неруду. Она великолепно владеет смычком. Помните ту вещицу Шопена, которую она так чудесно исполняет: тра-ля-ля-лира-лира-ля?

Откинувшись на спинку сиденья, сыщик-любитель распевал, как жаворонок, а я тем временем предавался раздумьям о многогранности человеческой натуры.

Глава 5 К нам приходят по объявлению

Наша утренняя экспедиция оказалась слишком тяжелым испытанием для моего слабого здоровья, и во второй половине дня я почувствовал, что совершенно вымотался. Когда Холмс уехал на концерт, я прилег на диван в надежде подремать часок-другой, но у меня ничего не получилось. Мой мозг был слишком возбужден тем, что произошло, и в нем теснились самые невероятные догадки и предположения. Стоило мне смежить веки, как перед моим мысленным взором вновь возникало искаженное, по-обезьяньи злобное лицо убитого. Оно произвело на меня столь тягостное впечатление, что я при всем желании не мог не испытывать благодарности к тому, кто отправил его обладателя в иной мир. Если существовал когда-либо человек с чертами лица, отражающими самые гнусные пороки души, этим человеком, несомненно, был Инок Дж. Дреббер из Кливленда. И все же я понимал, что справедливость должна восторжествовать и что испорченность жертвы не может служить оправданием в глазах закона.

Чем дольше я думал обо всем этом, тем менее правдоподобной казалась мне гипотеза моего друга об отравлении. Я помнил, как Холмс понюхал губы убитого, и не сомневался в том, что именно запах навел его на мысль о яде. Опять же, если не яд, то что могло стать причиной смерти – ведь на теле не обнаружили ни ран, ни следов удушения? С другой стороны, чьей кровью было так обильно полито все вокруг? Признаки борьбы отсутствовали, так же как и оружие, которым Дреббер мог ранить своего убийцу. Мне было ясно, что пока все эти вопросы остаются без ответа, ни Холмс, ни я не сможем спать спокойно. Его спокойствие и самоуверенность говорили о том, что он уже придумал теорию, которая объясняет все факты, хотя я был не в силах даже отдаленно представить себе, в чем заключается ее суть.

Он вернулся очень поздно – так поздно, что один концерт не мог быть тому виной. Ужин давно ждал его на столе.

– Это было прекрасно, – сказал он, усаживаясь. – Помните, что Дарвин говорит о музыке? Он утверждает, что способность создавать ее и наслаждаться ею появилась у людей задолго до того, как они обрели дар речи. Возможно, именно поэтому она так глубоко нас волнует. В нашей душе до сих пор хранятся смутные воспоминания о тех туманных веках, когда мир был еще совсем юным.

– Довольно смелая мысль, – заметил я.

– Если хотите понять природу, ваши мысли должны быть смелыми, как она сама, – ответил он. – Но в чем дело? Похоже, вы не в своей тарелке. Вас расстроило это происшествие на Брикстон-роуд?

– Честно говоря, да, – признался я. – После афганских приключений мне следовало бы стать менее впечатлительным. Под Майвандом я видел, как моих товарищей рубят на куски, и не терял самообладания.

– Понимаю. В этом деле есть тайна, которая дает разгуляться фантазии, а где нет простора для фантазий, там нет и страха. Вы читали вечернюю газету?

– Нет.

– В ней опубликован неплохой отчет о случившемся. Там не упоминается, что при выносе тела на пол упало женское обручальное кольцо. И очень хорошо, что так.

– Почему?

– Взгляните на это объявление, – ответил он. – Сегодня утром, сразу после нашей поездки, я разослал его во все газеты.

Он бросил мне газету, и я нашел указанное место. Его объявление было первым в столбце «Находки». «Сегодня утром на Брикстон-роуд, – говорилось в нем, – на участке между трактиром «Белый олень» и Холланд-Гроув, найдено простое золотое обручальное кольцо. Обращаться к доктору Уотсону на Бейкер-стрит, 221-б, с восьми до девяти вечера».

– Простите, что воспользовался вашим именем, – сказал он. – Если бы я назвал свое, кто-нибудь из этих олухов мог бы заметить его и вмешаться.

– Ничего, – ответил я. – Но вдруг кто-нибудь и правда явится? У меня ведь нет кольца.

– Нет, есть, – сказал он, протягивая его мне. – Это вполне сгодится. Оно практически такое же.

– И кто, по-вашему, откликнется на это объявление?

– Кто же, как не человек в коричневом пальто, наш краснолицый друг в тупоносых башмаках? А не придет сам, так пришлет сообщника.

– Думаете, он не испугается?

– Все нет. Если я правильно представляю себе ситуацию – а у меня есть все основания считать, что это так, – он пойдет на любой риск, чтобы вернуть себе кольцо. По моим предположениям, он выронил его, когда наклонился над телом Дреббера, и в тот момент ничего не заметил. Покинув дом, он обнаружил пропажу и поспешил обратно, но там уже оказалась полиция – между прочим, по его собственной вине, потому что он забыл погасить свечу. Чтобы выйти сухим из воды, он вынужден был прикинуться пьяным. А теперь поставьте себя на место этого человека. Обдумав все как следует, он должен сообразить, что мог потерять кольцо и на улице, когда вышел из дома. Каковы его дальнейшие действия? Он кинется просматривать вечерние газеты в надежде увидеть объявление о находке, и наше обязательно попадетсся ему на глаза. Он будет вне себя от радости. С чего бы ему подозревать ловушку? С его точки зрения, нет никакой связи между находкой кольца и убийством. И он придет. Не может не прийти. Вы увидите его в течение ближайшего часа.

– И тогда?.. – спросил я.

– Не волнуйтесь, я с ним разберусь. У вас есть оружие?

– Мой старый армейский револьвер и несколько патронов к нему.

– Пожалуй, имеет смысл почистить его и зарядить. Этому парню нечего терять, и хотя мы застанем его врасплох, лучше быть готовыми ко всему.

Я поднялся в спальню и последовал его совету. Когда я вернулся с оружием, со стола уже убрали и Холмс предавался своему любимому занятию – пиликал на скрипке.

– Дело близится к развязке, – сообщил он, увидев меня. – Я только что получил ответ на свою американскую телеграмму. Мои соображения были правильны.

– А именно? – жадно спросил я.

– Моей скрипке определенно не помешают новые струны, – заметил он. – Положите пистолет в карман. Когда он войдет, говорите с ним как обычно. Прочее предоставьте мне. Не глядите на него слишком пристально, не то спугнете.

– Уже восемь, – сказал я, взглянув на часы.

– Да. Наверное, он появится через считанные минуты. Приоткройте дверь. Вот так, достаточно. Теперь вставьте ключ с внутренней стороны. Спасибо! Вчера мне попала на книжном лотке любопытная книжонка под названием «De Jure inter Gentes»⁵, изданная на латинском языке в Льеже в 1642 году. Когда этот маленький коричневый томик поступил в продажу, голова Карла еще крепко сидела на плечах.

– А кто издатель?

– Некий Филипп де Круа. На форзаце сильно выцветшими чернилами написано «Ex libris Gulielmi Whyte». Интересно, кто такой был этот Уильям Уайт? Наверно, какой-нибудь практичный юрист семнадцатого века. Ага, кажется, дождались!

Снаружи громко звякнул звонок. Холмс мягко вскочил и передвинул свое кресло поближе к двери. В прихожей раздались шаги служанки и щелчок открывшегося замка.

– Здесь живет доктор Уотсон? – спросил чистый, но довольно грубый голос.

Нам не было слышно, что ответила служанка, но дверь хлопнула и кто-то стал подниматься по ступеням. Шаги были шаркающими и неуверенными. По лицу моего компаньона скользнула тень недоумения. Наш гость медленно одолел лестничный пролет, и мы услышали слабый стук в дверь.

– Войдите! – крикнул я.

Мое приглашение не осталось без ответа, но вместо рослого преступника, которого мы ждали, порог нашей комнаты переступила морщинистая старуха на подкашивающихся ногах. Похоже, ее ослепил яркий свет, потому что, сделав нам реверанс, она осталась на месте, моргая слезящимися глазками и нервно шаря в кармане дрожащей рукой. Я взглянул на своего товарища и увидел такую разочарованную мину, что еле удержался от смеха.

Старая карга извлекла на свет божий вечернюю газету и ткнула пальцем в наше объявление.

– Я вот зачем пришла, джентльмены, – сказала она, присев еще раз. – За золотым колечком с Брикстон-роуд. Это дочка моей, Салли, – она у меня замужем всего год, а муж у ней на корабле стюардом, и что он скажет, ежели вернется, а она без кольца, так это даже подумать страшно, нраву-то он крутого, а уж когда выпьет, и вовсе спасу нет. Тут ведь как получилось: вчера она возьми да и пойди в цирк вместе с...

– Это ее кольцо? – спросил я.

– Благослови вас господь! – вскричала старуха. – Вот Салли обрадуется! Оно самое.

– А живете вы где? – осведомился я и взял карандаш.

– В Хаундсдиче, на Данкан-стрит, тринадцать. Утомилась, пока до вас дошла.

– Брикстон-роуд вовсе не по дороге из Хаундсдича к цирку, – резко сказал Шерлок Холмс.

Старуха повернулась и остро взглянула на него маленькими глазками из-под воспаленных век.

– Джентльмен спросил, где живу я, – сказала она. – А Салли живет в Пекеме, дом три по Мейфилд-Плейс.

– А фамилия ваша?..

– Я-то Соьер, а она Деннис, потому как вышла за Тома Денниса – славный такой парень, толковый, это когда в море, и у капитана на хорошем счету – ну а как сойдет на берег, так тут уж и женщины, и вино.

– Вот ваше колечко, миссис Соьер, – перебил я, повинувшись знаку своего компаньона. – Очевидно, оно принадлежит вашей дочери, и я рад, что могу вернуть его законной владелице.

⁵ «О международном праве» (лат.).

Бормоча слова благодарности и превознося нашу доброту на все лады, старая карга спрятала кольцо в карман и заковыляла прочь. Как только она скрылась из виду, Шерлок Холмс вскочил на ноги и ринулся к себе в комнату. Спустя несколько секунд он вернулся в длинном пальто и шарфе.

– Пойду за ней, – бросил он. – Она наверняка сообщница и приведет меня к нему. Ждите.

Едва за нашей гостьей хлопнула входная дверь, как Холмс уже бежал вниз по лестнице. Посмотрев в окно, я увидел, что она тащится по другой стороне улицы, а ее преследователь движется за ней в некотором отдалении. «Либо вся его теория неверна, – подумал я, – либо сейчас он проникнет в самое сердце тайны». Холмсу не надо было просить меня дожидаться его: я чувствовал, что все равно не смогу заснуть, пока не узнаю результатов его вылазки.

Когда он ушел, было почти девять. Я не имел понятия о том, сколько мне придется ждать, но упрямо сидел, попыхивая трубкой и листая «Жизнь богемы» Анри Мюрже. Пробило десять, и я услышал легкие шаги горничной: она отправилась спать. В одиннадцать за моей дверью раздавалась более солидная поступь нашей домохозяйки, удаляющейся с тем же намерением. Дело шло к полуночи, когда до моего слуха донесся резкий звук ключа, повернувшегося в замке. Как только Холмс ступил в комнату, я понял по его виду, что на сей раз удача ему изменила. Веселое восхищение боролось на его лице с досадой; наконец первое чувство победило и он от души расхохотался.

– Ни за что не хотел бы, чтобы об этом узнали в Скотленд-Ярде! – воскликнул он, плюхнувшись в кресло. – Я так часто подтруниваю над ними, что тут они не дали бы мне спуска. Но ничего, можно и посмеяться: я ведь знаю, что в конце концов возьму верх.

– Что случилось? – спросил я.

– С удовольствием расскажу вам, как я опростоволосился. Эта старушенция прошла самую малость, а потом принялась хромать и всячески демонстрировать, что стерла себе ноги. Скоро она и вовсе остановилась и кликнула кеб, который проезжал мимо. Я подобрался поближе, чтобы услышать адрес, но мог бы и не стараться, потому что она завопила на всю улицу: «Хаундсдич, Данкан-стрит, дом тринадцать!» Неужто и правда не врет, подумал я и, увидев, как она залезла внутрь, прицепился сзади. Этим умением должен владеть каждый уважающий себя сыщик. Ну вот, покатали мы куда велено и ни разу не притормозили, покуда не прибыли на место. Я соскочил раньше, чем мы подъехали к дому, и не торопясь пошел по тротуару, будто гуляю. Смотрю, кеб остановился. Кучер соскочил, открыл дверцу и ждет. А оттуда – никого. Когда я поравнялся с ним, он как полоумный шарил руками в пустом кебе и сыпал такой отборной руганью, какую мне редко доводилось слышать. Его пассажирки и след простыл, и я боюсь, что ему долго придется ждать своих денег. Мы обратились в дом номер тринадцать и выяснили, что он принадлежит почтенному обойщику по фамилии Кезуик и ни о каких Сойерах и Деннисах там и слыхом не слыхали.

– Уж не хотите ли вы сказать, – в изумлении вскричал я, – что эта дряхлая, немощная старуха сумела выскочить из кеба на ходу, да так, что ни вы, ни кучер этого не заметили?

– Как же, старуха! – сердито сказал Холмс. – Это нас с вами одурачили, как старух. К нам приходил молодой человек, очень ловкий и к тому же бесподобный актер. Загримировался он изумительно. Потом, несомненно, заметил за собой слежку и воспользовался этим приемом, чтобы от меня улизнуть. Это показывает, что преступник, за которым мы охотимся, не так одинок, как я воображал, – у него есть друзья, готовые по его просьбе пойти на риск. Знаете что, доктор, вид у вас совсем измученный. Послушайте моего совета и давайте-ка на боковую.

Я и впрямь очень утомился, а потому не стал ему возражать. Я оставил Холмса перед камином с тлеющими угольями и чуть ли не до самого рассвета слышал заунывные причитания его скрипки, говорящие о том, что он все еще размышляет над загадочным делом, которое взялся распутать.

Глава 6

Тобиас Грегсон показывает, на что он способен

Наутро все газеты были полны рассказов о Брикстонской тайне – так нарекли ее репортеры. В каждой приводился подробный отчет о трагедии, а в некоторых изданиях ей даже посвятили передовицы. Я почерпнул из этих статей кое-какую новую для себя информацию. В моем альбоме до сих пор хранятся многочисленные вырезки и цитаты, относящиеся к данному делу. Вот к чему вкратце сводилось их содержание.

«Дейли телеграф» отмечала, что в анналах криминалистики едва ли сыщется преступление со столь необычными чертами. Немецкое имя жертвы, отсутствие видимых мотивов и зловещая надпись на стене – все это указывало на то, что убийцу следует искать среди революционеров и политических беженцев. В Америке много социалистических обществ; по всей видимости, покойный нарушил их неписанные законы, за что его и покарали. Упомянув мимоходом фемгерихт, акву тофану, карбонариев, маркизу де Бренвилле, теорию Дарвина, принципы Мальтуса и убийства на Рэтклифф-хайвэй⁶, автор завершал свою статью предостережением в адрес правительства и советом установить более пристальный надзор за иностранцами в Англии.

«Стандард» заостряла внимание читателей на том обстоятельстве, что подобные возмутительные беззакония обыкновенно творятся в периоды верховенства либералов. В умах начинается брожение, в результате чего падает авторитет всякой власти. Покойный был американским гражданином, который провел в британской столице несколько недель. Он остановился в пансионе мадам Шарпантье, на Торки-террас в Камберуэлле. В поездке его сопровождал личный секретарь мистер Джозеф Стенджерсон. Оба распрощались с хозяйкой во вторник, четвертого числа текущего месяца, и отбыли на Юстонский вокзал, предварительно заявив о своем намерении отправиться экспрессом в Ливерпуль. Позже их видели вместе на перроне. О том, где они находились и что делали до тех пор, пока тело мистера Дреббера не было обнаружено в пустом доме на Брикстон-роуд, за много миль от Юстона, ровным счетом ничего не известно. Как он туда попал и как встретил свою судьбу – эти вопросы по-прежнему остаются без ответа. Нет сведений и о местопребывании Стенджерсона. Мы с удовольствием узнали, что расследование дела поручено мистеру Лестрейду и мистеру Грегсону из Скотленд-Ярда, и можем с уверенностью предсказать, что наши прославленные детективы очень скоро прольют свет на эту таинственную историю.

«Дейли ньюс» отмечала, что в политическом характере преступления нет никаких сомнений. Деспотизм и ненависть к либерализму, широко распространенные на европейском континенте, стали причиной появления на наших берегах множества людей, из которых вышли бы замечательные граждане, если бы все их существование не было отравлено памятью о пережитом. Эти люди строго соблюдают определенный кодекс чести, малейшее нарушение коего карается смертью. Следует приложить все усилия к тому, чтобы отыскать пропавшего секретаря Стенджерсона и выяснить у него некоторые подробности относительно привычек его нанимателя. Установив адрес пансиона, где обитал покойный, следствие сделало огромный шаг вперед – кстати, достижением этого важного результата мы всецело обязаны энергии и проницательности мистера Грегсона из Скотленд-Ярда.

Все эти заметки мы с Холмсом прочли вместе за завтраком, причем он не скрывал, что они его немало позабавили.

– Я же вам говорил: что бы ни случилось, Лестрейд и Грегсон своего не упустят.

⁶ Фемгерихт – тайный суд в средневековой Германии; аква тофана – яд, названный по имени отравительницы из Италии XVII века; карбонарии – итальянское тайное общество начала XIX века; маркиза де Бренвилле – знаменитая отравительница из Франции (XVII век), убийства на Рэтклифф-хайвэй – громкие преступления, произошедшие в Англии в 1811 году.

– Еще не известно, чем дело кончится.

– Да бог с вами, это же совершенно неважно. Если преступника поймают, то *благодаря* их стараниям; если он сбежит, то *несмотря* на их старания. Словом, как в той присказке: орел – я выиграл, решка – ты проиграл. Что бы они ни натворили, у них обязательно найдутся почитатели. Как говорил Буало, глупец глупцу всегда внушает восхищенье⁷.

– Что там такое? – воскликнул я, ибо в этот момент в прихожей и на лестнице раздался топот множества ног, сопровождаемый гневными протестами нашей домохозяйки.

– Отряд сыскной полиции с Бейкер-стрит, – серьезно ответил мой компаньон.

Не успел он договорить, как в комнату ввалились несколько самых грязных и оборванных уличных мальчишек, каких мне только доводилось встречать.

– Смирно! – резко скомандовал Холмс, и шестеро чумазых оборванцев выстроились в ряд и замерли, словно изваяния довольно-таки отталкивающего вида. – В будущем пусть приходит докладывать один Уиггинс, а остальные подождут снаружи. Нашли что-нибудь, Уиггинс?

– Никак нет, сэр, – отвечал один из юнцов.

– Я так и думал. Продолжайте, пока не найдете. Вот вам за работу. – Он вручил каждому по шиллингу. – А теперь вперед, и в следующий раз постарайтесь меня не разочаровать.

Он махнул рукой, и мальчишки прыснули вниз по лестнице, как стайка крыс. Спустя несколько секунд их пронзительные голоса донеслись до нас с улицы.

– От этих маленьких попрошаек больше проку, чем от дюжины полицейских, – сказал Холмс. – В присутствии официального лица из нормального человека слова не вытянешь. А эти ребята везде пролезут и все услышат. Шустрые, приметливые – им только дисциплины не хватает.

– Они помогают вам в этом брикстонском деле? – спросил я.

– Да, мне надо кое-что уточнить. Но это лишь вопрос времени. Ага! Сейчас мы узнаем все последние новости! По тротуару идет Грегсон, причем каждая его черточка излучает блаженство. Очевидно, он направляется к нам. Да, остановился. Вот и он!

Громко протрезвонил звонок, и вскоре светловолосый детектив взлетел по нашей лестнице, перепрыгивая через три ступеньки зараз, и ворвался к нам в гостиную.

– Мой уважаемый друг! – воскликнул он, тряся безответную руку Холмса. – Поздравьте меня! Я раскусил этот орешек, и теперь все ясно как день.

Мне почудилось, что по выразительному лицу моего компаньона скользнула тень беспокойства.

– Хотите сказать, что вы на верном пути? – спросил он.

– Какое там на пути! Преступник уже сидит у нас под замком!

– И его зовут...

– Артур Шарпантье, младший лейтенант флота Ее Величества! – вскричал Грегсон, самодовольно потирая пухлые руки и выпятив грудь.

У Шерлока Холмса вырвался вздох облегчения, и он умиротворенно улыбнулся.

– Присаживайтесь и попробуйте одну из этих сигар, – сказал он. – Нам не терпится узнать, как вам это удалось. Не угодно ли виски с водой?

– Пожалуй, не откажусь, – ответил сыщик. – Последние два дня потребовали от меня таких огромных усилий, что я совсем измотался. Не столько физических, разумеется, сколько умственных – это было колоссальное напряжение мозга. Уж вы-то меня поймете, мистер Холмс: мы ведь с вами оба привыкли работать головой.

– Вы мне льстите, – серьезно ответил Шерлок Холмс. – Но расскажите же нам, как вы добились столь впечатляющего результата.

⁷ Строка из «Поэтического искусства» (пер. Э. Лишецкой).

Сыщик уселся в кресло и принялся с довольным видом попыхивать сигарой. Потом хлопнул себя по ляжке в приступе внезапного восторга.

– Самое смешное, – воскликнул он, – что этот дурачина Лестрейд, который считает себя умнее всех, пошел по абсолютно ложному следу. Он ищет секретаря Стенджерсона, а тот виновен в убийстве не больше, чем неродившийся младенец. Я уверен, что он его уже засадил.

Эта мысль так развеселила Грегсона, что он смеялся, пока не поперхнулся.

– А как вы нашли ключ к разгадке?

– Сейчас расскажу. Конечно, доктор Уотсон, это строго между нами. Первой трудностью, с которой мы столкнулись, было выяснить прошлое этого американца. Кое-кто ждал бы, пока ответят на его объявление или пока найдутся добровольцы, готовые поделиться информацией. Но у Тобиаса Грегсона другие методы. Помните шляпу, которая лежала рядом с убитым?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.